

АННА БЕРСЕНЕВА

ОПЫТ
НЕЛЮБВИ

Подруги с Малой Бронной

Анна Берсенева

Опыт нелюбви

«Анна Берсенева»

2012

Берсенева А.

Опыт нелюбви / А. Берсенева — «Анна Берсенева»,
2012 — (Подруги с Малой Бронной)

ISBN 978-5-699-59020-9

Таких, как она, люди не любят. И если бы только люди вообще! Но таких женщин, как Кира Тенета, не любят мужчины. У нее независимый ум, она слишком прямолинейна. А когда при подобных чертах характера еще и внешность подкачала... Стоит ли удивляться, что к тридцати годам у Киры нет ни мужа, ни возлюбленного? Она даже утешительную теорию для себя уже придумала: с ее внешностью не жаль будет стареть. Зато ей присуще одно важное качество: Кира не боится жизни. Она без колебаний берется за работу, к которой совсем не готова, – и выигрывает. И когда на ее горизонте появляется мужчина, который отличается от нее буквально во всем, Кира соединяет с ним свою жизнь без сомнений. Но не ошиблась ли она в своей самоуверенности?

ISBN 978-5-699-59020-9

© Берсенева А., 2012
© Анна Берсенева, 2012

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анна Берсенева

Опыт нелюбви

Часть I

Глава 1

Вот он лежит у Киры на плече и читает ее книгу.

«Он уверен, что меня это ничуть не угнетает. То есть он вообще об этом не думает. Для него это такая ерунда, о которой и подумать даже невозможно. Он на генетическом уровне уверен, что это совершенно нормально: лежать на плече у незнакомой женщины и читать книгу, которую читает она. И дышать при этом чесноком ей в ухо».

Кира попыталась отстраниться, но это привело лишь к тому, что чесночный запах ударил ей уже не в ухо, а прямо в нос. Она захлопнула книгу, чуть ее при этом не выронив, и задвигала плечами, пытаясь вывинтиться из толпы поближе к выходу из вагона. Там, впрочем, толпа была еще плотнее. Час пик, ничего не поделаешь.

«Час утренних пик», – подумала Кира, почувствовав, как в бок ей, вот именно что пикой, впивается чей-то острый локоть.

Словесная игра как была, так и осталась ее привычкой, хотя никакой необходимости в такой игре у нее давно уже не было. И в таких словах, которые давали бы возможность игры, необходимости не было тоже: и в работе, и в жизни Кира вполне могла обходиться самым незамысловатым набором слов. Так уж сложилась и работа ее, и жизнь.

Книжка все-таки выпала у нее из рук, да еще в неподходящем месте – прямо на выходе из вагона. Проклиная собственную неуклюжесть и обычное свое невезение, Кира присела на корточки и принялась вылавливать книжку из-под чужих ног, из разливов грязи на мраморном полу. Досада ее усиливалась еще и от того, что книжка была – Диккенс, «Оливер Твист», и в глазах любого человека это должно было значить, что она дура не только неуклюжая, но еще и сентиментальная, и хоть это неправда, но кому будешь объяснять.

Но вообще-то из-за содержания книжки переживать, наверное, не стоило. Кому дело, Диккенса ты читаешь или журнал «Лиза»; тут и до тебя самой-то никому дела нет.

Пешком на работу надо ходить, вот что. Тогда и чесноком в лицо дышать не будут, и грязную книжку в сумку запихивать не придется.

Но при мысли, что пришлось бы тащиться пешком от Малой Бронной до Китай-города – ветер в лицо бьет, мокрый снег лепит сверху, а в жиже из этого снега вязнут ноги, – Кира решила, что проще обтереть книжку рекламной листовкой, которую на выходе из метро она взяла у замерзшего негра в мокрой ушанке. Листовка приглашала на курсы английского. Это было Кире ни к чему – английский она еще в школе выучила в совершенстве.

С такими вот пустыми и за пустяки цепляющимися мыслями шла она от метро к Ильинке, к Старопанскому переулку. Пока дошла, снег облепил ее так, что она стала похожа на снежную бабу. У самого входа в дом Аршинова Кира вдобавок вступила в лужу, и нога у нее промокла до колена. Получается, можно было и от самого дома пешком идти – ну, была бы снежная баба чуть потолще, и не одна нога была бы мокрая, а обе.

Кира всегда и вслух, и про себя называла место своей работы только так – дом Аршинова. Если уж сама по себе работа у нее убогая и унылая, то хотя бы проходят ее трудовые будни в красивом здании, которое молодой Шехтель сто лет назад построил для купеческой конторы. И хоть интерьеры в этом здании за советское время сделались такие, что тоска берет от одного

их вида, да и за десять с лишком послесоветских лет ничего здесь не изменилось, но все-таки, входя в свою комнату, берешься за ту же дверную ручку, за которую, может, и Савва Морозов когда-то брался. Говорят, здесь не то он сам работал, не то его мамаша; подробностей Кира не знала, а уточнить было не у кого.

Она доехала на лифте до последнего этажа и по железной узкой лестнице поднялась еще выше, в комнату под крышей, где и проходили ее труды и дни.

Чайник уже вскипел, и чай был заварен. В отличие от Кириных, все действия Матильды были правильными и производились в правильную минуту. И, конечно, первое, что та сделала, придя на работу в гадостную, с неожиданным снегом октябрьскую погоду, это заварила свежий чай. К чаю имелись также и булочки – когда Кира вошла, Матильда разогревала их в микроволновке, и по комнате разносился запах свежей сдобы.

– Еще есть варенье, – сообщила Матильда. – Абrikосовое.

Она стояла к двери спиной и сказала про варенье не оборачиваясь и не здороваясь. Это происходило не от невоспитанности – с воспитанием у Матильды было все в порядке, – а от ее особенного, ни у кого больше Кирой не виданного способа жить.

Матильда жила одним сплошным, не имеющим ни начала, ни конца потоком; казалось, даже сон его не прерывает. Кира считала себя цельной личностью, но ее цельность выражалась самым обычным образом – ну, например, она никогда не меняла своего мнения по принципиальным вопросам. Матильда же была в своей цельности органична как кошка, и даже не просто как кошка, а как кошка экзотическая, и проявления ее цельности тоже были экзотическими. Потому она и начинала разговор в понедельник утром так, словно никаких выходных не было и общение ее с коллегами не прерывалось ни на минуту.

– Привет, – поздоровалась Кира. Что поделаешь, она-то человек обыкновенный, и обычное поведение для нее так же естественно, как для Матильды необычное. – Если бы не ты, наша жизнь была бы неуютна и убога. На работе, во всяком случае.

«И не на работе тоже», – мельком подумала она.

– Работа не волк. – Матильда повернула Кирины слова и мысли в то русло, которое считала правильным. – Раздевайся, чаю попьем.

Когда Кира в десятом классе ездила по обмену в Америку, то из множества американских привычек больше всего понравились ей те, что были связаны с многообразными устоями жизни. Куки-джар, то есть, попросту говоря, что-то среднее между большой стеклянной банкой и вазой для домашнего печенья – без этого в Америке невозможно представить себе семью. Или большая толстостенная чашка, из которой пьют чай на работе, – без нее там в новый коллектив прийти неприлично.

Хоть Москва не Америка, но Кира пришла в издательство «Транспорт» с чашкой, которую ей отдали в журнале «Struktur» после чьей-то рекламной кампании, и чай теперь пила всегда из нее, а не из отвратительного советского сервиза в розовеньких цветочках, который использовался остальными обитателями комнаты.

Кира повесила в шкаф пальто, а из другой половинки шкафа достала свою чашку и налила в нее чай – по своему обыкновению, одну заварку, не разбавленную кипятком.

– Чай какой-то странный, – заметила она. – Слишком хороший.

– Не слишком, – объяснила Матильда. – Просто он английский. Непосредственно из города Лондона.

– Ого! А к нам как попал?

– Обыкновенно, – пожала плечами Матильда. – Парикмахерша моя привезла и мне подарила.

Даже это у нее не как у других! Другие дарят привезенный из Лондона чай парикмахершам и прочим нужным людям, а Матильде эти нужные люди сами делают подарки. Конечно, клиент – человек не лишний, но, судя по эффектной Матильдиной прическе – рваная челка,

стильная непринужденность общей линии, – клиентов у ее парикмахерши должно быть немало, и если есть среди них редакторы, то уж точно из каких-нибудь более завидных изданий, чем замшелое издательство «Транспорт», непонятным образом уцелевшее за десять лет, прошедших после советской власти. Конечно, Матильда в этом тухлом отстойнике случайная птица, и, не будь она матерью-одиночкой с соответствующими трудовыми ограничениями, давно уже нашла бы более занимательную работу. Но пока она есть то, что есть, и стильным парикмахершам нет никаких причин добиваться ее расположения. Однако все дело в том, что есть женщины, которые даже в нищете держатся королевами, и благосклонности их добиваются все, хоть мужчины, хоть вот парикмахерши, и Матильда как раз из таких женщин. А Кира – как раз не из таких.

Это, впрочем, Кира с самого детства воспринимала как данность, и это ничуть ее не угнетало. Глупо же в самом деле переживать, например, из-за того, что ты не родилась балериной, как Уланова или Плисецкая. И не менее глупо сетовать, что тебе не достается главенствующее положение в любой точке жизни, тем более если ты вообще-то и не находишь никакого удовольствия в том, чтобы над кем-то главенствовать, а находишь его главным образом в чтении книг и размышлениях о прочитанном.

Пока Кира с Матильдой пили чай, подтянулись на рабочие места и другие обитатели комнаты. Точнее, обитательницы – отдел, в котором работала Кира, сплошь состоял из женщин. Возраст их колебался от сорока до пятидесяти, Кира с Матильдой были самыми молодыми.

Сколько ни взбадривайся чаем, откладывая начало рабочего дня, а никуда от него не денешься. Кира села за свой стол в углу и включила компьютер. Статья о навигации на реках Сибири простиралась перед ней таким же бескрайним пространством, как сама эта Сибирь, которой она никогда не видела. Но трудность начала любой работы вообще и трудность первых слов статьи в частности – это ведь такая банальность, что о ней не только говорить, но даже думать неприлично. И неприлично за тридцать прожитых лет не научиться эту трудность преодолевать.

Да и некогда Кире было думать об отвлеченных вещах: после обеда ей надо было уйти с работы, потому что она пообещала быть на защите докторской, на которую месяц назад написала отзыв. Конечно, она не могла быть официальным оппонентом докторской, потому что сама только кандидатскую защитила, и ни в отзыве ее, ни тем более в присутствии на защите не было, на ее взгляд, ни малейшей необходимости. Но соискательница была когда-то бабушкиной аспиранткой, а теперь работала в Ижевске и страшно волновалась из-за своей московской защиты, потому и насобирала множество каких-то бессмысленных отзывов и всех, кто их написал, просила обязательно прийти ее поддержать.

В общем, с работы придется отпрашиваться, ничего не поделаешь, хотя и жалко тратить возможность отпроситься на совершенно тебе не нужное дело.

А раз так, со статьей следует поторопиться. К счастью, Кира давно уже научилась абстрагироваться от всего, что происходило вокруг нее, – от шума, телефонных звонков, обсуждений, разговоров, болтовни, сплетен, выяснения отношений; от всего, из чего состоял рабочий день издательства «Транспорт». Это семь лет назад, когда она еще писала кандидатскую, то была уверена, что для работы необходимы полная тишина и сосредоточенность.

Наивные были времена! Закончились они очень просто: в первую же неделю в журнале «Struktur» Кира поняла, что с такими представлениями о себе и своих возможностях много она не наработает, а уже во вторую неделю научилась писать статьи, находясь в положении аквариумной рыбки – в насквозь просматриваемой редакционной комнате, в постоянном гуле.

По сравнению с огромным залом «Struktur» с его многочисленными перегородками дом Аршинова по тишине и удобству приближался, можно считать, к читальному залу Ленинки или даже Библиотеки Конгресса.

– Надолго уходишь? – спросила Матильда, когда Кира наконец закончила статью и, поглядывая на часы, бросилась к одежному шкафу.

– Сегодня не вернусь уже, – ответила она. – А что?

– А я тебя хотела вечером с собой забрать, – объяснила Матильда. – Домой к себе. У меня день рожденья сегодня.

– Да ты что? – ахнула Кира. – А почему заранее не сказала?

– Кирка, невозможно все делать заранее, – усмехнулась Матильда. – Это скучно и бессмысленно. Готовить я все равно не собиралась – времени жалко. А торт и вино по дороге куплю.

– Я и сама до тебя могу добраться, – сказала Кира. – Не обязательно меня с собой забирать. Отсижу на защите и приду.

– Приходи, – кивнула Матильда. – Особого веселья не обещаю, но надо же как-то жизнь коротать.

Глава 2

– Прежде чем приступить к нашему исследованию, мы считали необходимым выяснить: чем является процесс чтения – смысловосозданием или смыслопорождением?

Будущая докторесса нервно шмыгнула острым носиком и поправила очки.

«Классика какая-то! – подумала Кира. – Носик острый, очки... Как ее зовут, забыла... А несет-то что!»

Кира обвела взглядом аудиторию. Вид собравшихся напоминал советский фильм не меньше, чем очки, носик и бред про смыслопорождение. А может, не советский фильм все это напоминало, а сюрреалистический. Хотя это, пожалуй, одно и то же.

Она потихоньку вытащила из сумки Диккенса и положила себе на колени. Демонстративно читать у всех на виду было неловко. Но и слушать эти речи было невыносимо. Даже не верилось, что в подобных речах прошла практически вся ее жизнь. Только семь последних лет она всего этого не слышит, и оказывается, эти годы переменили ее гораздо сильнее, чем она предполагала.

Дама за кафедрой – Кира так и не смогла вспомнить ее имени, хотя писала ведь отзыв на ее докторскую – перешла наконец непосредственно к лингвистическим проблемам, но от этого Кирино внимание нисколько не усилилось. Хоть убей, не могла она себя заставить во все это вслушиваться и, время от времени пытаясь собрать свое внимание в пучок и направить его на происходящее в большой филфаковской аудитории, лишь испытывала недоумение: неужели когда-то все это могло быть ей интересно? Какой же она была тогда? Понять это сейчас уже не представлялось возможным.

И сидеть до конца защиты Кира не могла себя заставить никакими силами. Да, всей ее хваленой воли было для этого недостаточно. К счастью, знакомых на защите оказалось немного – все-таки семь лет прошло с тех пор, как она закончила аспирантуру и выпала из среды; это избавляло от никому не нужных бесед ни о чем. Поэтому, как только объявили перерыв, Кира направилась к двери.

– Товарищи, товарищи! – воскликнула секретарь ученого совета. Кира от этого обращения вздрогнула. Всерьез она, что ли? Паноптикум какой-то! – Большая ко всем просьба: оставьте вот в этой тетради отзывы о выставке!

– О какой выставке? – с недоумением спросил мужчина, с которым Кира сидела рядом на последнем ряду.

Он тоже пробирался к выходу с заметным нетерпением.

– Да вот об этой. – Секретарь сделала рукой широкое круговое движение. – Об этих акварелях.

Кира, как и ее сосед, тоже только теперь заметила акварели, которыми были увешаны стены аудитории. То есть она их видела, конечно, но никак не предполагала, что это выставка. Акварели были убогие – речушка, березка, солнышко; ни тени своеобразия, ни капли сильного чувства.

– Только, пожалуйста, указывайте в отзывах – «кандидат наук», «профессор», ну и так далее, – призвала секретарша. – Это важно! Во внешнем мире наши звания воспринимаются очень серьезно.

«Господи боже мой!» – подумала Кира.

Ничего больше она не могла на все это сказать даже мысленно.

К тетрадке, в которую призывали вписывать отзывы, она, конечно, не подошла. Уже выходя из аудитории, услышала чей-то завистливый шепот:

– Акварели-то племянница декана нарисовала, вот и устроили тут выставку, всё для своих, ну просто всё!

Как можно завидовать тому, что по стенам аудитории развешаны среди водяных потеков чьи-то бездарные картинки, было Кире непонятно.

Все-таки семь последних лет, которые казались ей проведенными бессмысленно и бесполезно, оказывается, не прошли даром. Они переменили ее необратимо, и хотя Кира не очень понимала, как ей к этим переменам относиться, но с тем, что они непреложны, спорить не приходилось.

«Все! – подумала она, выскочив наконец из второго гуманитарного корпуса. И с удовольствием себе пообещала: – Приду к Матильде, сразу напьюсь. То-то счастье!»

У метро Кира зашла в парфюмерный магазин и купила французскую тушь. Сама она так и не научилась разбираться, какая косметика правильная, а какая нет, потому что пользовалась ею редко и неумело, но за время работы в «Struktur» запомнила названия хороших марок, которые этот журнал рекламировал.

Матильда жила в Тушине, от метро двадцать минут пешком. И место ее жительства так же не соотносилось с нею, как место работы. Жить бы стильной Матильде где-нибудь в пентхаусе, под самой крышей нового дома в старом центре – всюду свет, и деревянная мебель естественных светлых тонов, и небрежно брошена на широкую кровать белая овечья шкура, и столами служат какие-нибудь яркие кубы с параллелепипедами...

Но жила она в панельной девятиэтажке, в подъезде со сломанным замком, а что под самой крышей, так радоваться тут нечему: возле лестницы, ведущей на чердак, прямо у Матильдиной двери валяются пустые бутылки, и за дверью этой – явно не пентхаус.

– Проходи, – сказала Матильда, открыв Кире дверь. – Обувь можешь не снимать. Девчонки в комнате, я на кухне.

Прибираться в честь праздника она, похоже, не стала. Во всяком случае, каждый предмет, попадающийся Кире на глаза в прихожей, а потом и в комнате, казалось, говорил: меня взяли откуда-то по необходимости, потом положили куда пришлось и возьмут снова, только когда понадобится, а потом положат на очередное случайное место.

Кира замечала такие вещи, потому что, хотя уборку, то есть мытье полов, чистку ковров и прочее подобное, она терпеть не могла, но точно так же не могла терпеть разбросанных где попало предметов домашнего обихода. Колготки, оставленные на диване после того, как их хозяйка переделала в домашнее, или, наоборот, халат, перекинутый через спинку стула после сборов на работу, или тарелка с остатками завтрака на письменном столе, или бусы, непонятно каким образом оказавшиеся на тумбочке возле телевизора, – все эти приметы неорганизованной жизни почему-то приводили ее в уныние, и со всем этим она боролась.

Матильда явно не боролась с неорганизованным существованием вещей и предметов в ее квартире. Тем более что к обычным вещам здесь добавлялись еще игрушки, и их было столько, что с трудом отыскивалось свободное место, на которое можно было бы ступить без опаски.

Все кругом было заставлено, завалено, засыпано и устлано бесконечными разноцветными деталями разнообразных игрушечных наборов. Или, может, это были не детали, а обломки; Кира не разбиралась в детских игрушках. Она только старалась ничего не раздавить, пробираясь из прихожей в комнату.

Гости – точнее, гости – пришли с детьми, и всем детям, как и Матильдиному сыну, было лет по пять, поэтому в квартире стоял непрекращающийся визг. Кира сразу пожалела, что пришла, но не уходить же теперь из-за того, что в доме дети; и признаться даже неудобно, что тебя не радует их присутствие.

Удобно это или нет, а отношение к детям у Киры было неоднозначное. Видела она их в основном у кого-нибудь в гостях и никогда не могла понять, почему большое количество взрослых людей должно подстраивать свои разнообразные интересы к гораздо меньшему количеству людей невзрослых, интересы которых довольно однообразны.

Но здесь и сейчас, в гостях у Матильды, картина наблюдалась другая. Никто ни под кого не подстраивался – дети бегали и орали, а их мамы пили вино, беседовали и не обращали на беготню и ор ни малейшего внимания.

Знакомить Матильда никого ни с кем не стала. Видимо, по своей привычке к существованию в непрерывности событий, когда никто ни с кем не расстается и не встречается, а все плывут в одном потоке, время от времени беспорядочно из него выныривая и тут же погружаясь в него снова.

И то сказать – что они, глупее детей, сами не познакомятся? Кира, правда, не сразу запомнила, кто из Матильдиных подруг Ира, кто Вера, Марфа и Оля. И если бы ей пришлось увидеть их где-нибудь на улице буквально через час, то она не обязательно узнала бы каждую.

Память у нее была не цепкая, а глубокая, и запоминала она лишь то, что считала нужным запоминать, и чаще всего это было что-нибудь прочитанное. А все увиденное, и лица в особенности, надолго в ее памяти не задерживалось.

В ту минуту, когда Кира присоединилась к разговору, Матильдины гости обсуждали как раз увиденное, а именно – чью-то прическу.

– И вот, представь, сделала себе эта тетка типа ломаного пробора. А пряди так аккуратненько-аккуратненько переложены – видно, полчаса перед зеркалом трудилась. Вдобавок корни отросли, и пробор этот ее, типа ломаный – пегий, как у кошки помойной. А она идет, вся счастливая такая, и думает, что на дикторшу похожа.

– С тетками ничего не поделаешь. Оль, дай мне вон ту бутылку. Нет, розовое. Ага, да, оно. К теткам надо относиться философски.

Кире показалось, что при этих словах Ира – или Вера? – бросила на нее насмешливый взгляд. Ей стало не по себе. Полная неспособность правильно одеться, причесаться, накраситься и держаться с уверенной снисходительностью была ей присуща с детства. Ну да, в детстве никто не красится, конечно. Но одета она и тогда была по-дурацки, как-то балахонисто, и из-за этого выглядела еще большей пышкой, чем была на самом деле. И волосы у нее пегие не потому, что корни отросли, а от природы. И топорщатся, как перья у курицы. И...

– Смотрите все на меня!

Вопль, прервавший не слишком приятные Кирины размышления, был такой громкий, что вздрогнула даже Оля. Хотя она являлась мамой вопящей девчонки, значит, такой уровень децибелов должен был бы давно уже стать для нее привычным.

– Смотрите все на меня! – повторила девчонка.

Она была веснушчатая, большеухая, некрасивая, но каждый звук, из которых состоял ее вопль, содержал в себе чистую, беспримесную самоуверенность.

«Вот бы у кого поучиться», – мелькнуло у Киры в голове.

– Сейчас я буду показывать вам мой концерт! – объявила девчонка. – Смотрите все внимательно и хлопайте!

И она затянула песню, ни слов которой, ни мелодии Кира никогда не слышала. Ну да мало ли чего она не слышала? Ее знания о той части жизни, где придумывают, поют и слушают попсу, были невелики.

– Твои слова и мои глаза-а! А-а-а! – пела девчонка. – Как они да-алеки-и!..

Голос у нее был не звонкий даже, а пронзительный. Кире хотелось заткнуть уши. Одна была надежда: что концерт надоест остальным взрослым так же быстро, как ей, и они его прекратят.

Но попытка поаплодировать певице сразу же, как только песня закончилась, и таким образом от нее отвязаться, успехом не увенчалась.

– Концерт не кончен! – закричала девчонка с прежним напором. – Теперь я буду танцевать. Смотрите все на меня! Все – на меня!

«Гестаповка какая-то! – подумала Кира. – Сейчас свет в лицо направит».

Танцуя, а вернее, топая, подпрыгивая и размахивая руками, девчонка успевала дергать за руки всех, кто ей под руки попадался, так что не обращать на нее внимания не было никакой возможности.

Впрочем, не похоже было, что Матильдины гости относятся к этому концерту как к чему-то из ряда вон выходящему.

– Кристи, а давай, малыш, ты пойдешь на кухню и поможешь Матильде маримоно делать? – предложила было ее мама Оля.

Но дочка ее и ухом не повела – продолжала танцевать.

– Кристинка с рождения такая, – спокойно заметила Вера. – Незаурядная.

– Талантливые люди все такие, – кивнула Ира.

«С ума они, что ли, посходили?» – подумала Кира.

Визгливая Кристинка не казалась ей ни талантливой, ни незаурядной, а казалась самой обыкновенной невоспитанной эгоисткой, только пока еще маленькой.

– Главное, чтобы у ребенка комплексы не возникли, – сказала Оля. – Как вспомню, как меня воспитывали – ужас-ужас. Это не трогай, то не делай... Сплошные «нельзя»!

Она зачем-то скрутила узлом волосы, выющиеся длинными спиральками, и схватила узел заколкой в виде острокрылой бабочки. Она сделала это таким легким, таким завораживающим движением! И небрежное изящество ее облика от этого резко возросло.

Может, Оля и права насчет комплексов, ведь ей-то незаурядности точно не занимать, во всяком случае, внешней. Но у Киры были собственные представления о действительности, и тоже с рождения. Почти как у Кристинки.

– А по-моему, дети не должны перебивать взрослых, – громко сказала Кира. – И тем более наступать им на ноги.

Оля усмехнулась. Ира пожала плечами. «Зачем Матильда позвала эту зануду?» – мелькнуло в глазах у Веры.

Кира прекрасно понимала, какие чувства вызывает у окружающих своей сугубой правильностью. Может, Матильдины подружки правы в своей к ней неприязни. Они и сами уже были Кире неприятны, и ей хотелось уйти. И обидно ведь – из-за чего ей этого захотелось-то? Из-за какой-то мелкой наглой девчонки!

В комнату вошла Матильда. На большом расписном блюде, которое она принесла, лежали нарезанные овощи – огурцы, помидоры, болгарский перец.

Кристина прекратила танцевать и радостно заорала:

– Маримоно, маримоно! Чур, я все помидоры съем!

– У тебя аллергия, – сказала Оля. – Помидоры тебе нельзя.

Ее дочка тут же схватила с блюда три кружочка помидоров и затолкала их в рот. От этого она по крайней мере замолчала. А до ее аллергии Кире дела не было.

– Вам отдельное угощение, – сказала Матильда. – Всем мелким. В той комнате.

– Мы не мелкие! – нестройным хором завопили дети.

– А кто не мелкий, тот мороженого не получит, – отрезала Матильда. – Число порций ограничено, только для детей.

Дети моментально вымелись из комнаты. Кира еле удержалась, чтобы не выместись тоже. Она терпеть не могла чувствовать себя душой. А насмешливые и снисходительные взгляды, которые бросали на нее Матильдины подружки, не оставляли ей другой возможности.

Но уйти так демонстративно было бы все-таки неприлично. И обижать Матильду совершенно не за что, и как с ней потом работать в одной комнате? Кира осталась.

Они пили вино и разговаривали. От вина у Киры почему-то заболела голова, а от здешних разговоров ее и с самого начала тошнило.

Когда Марфа сказала, что Акунина читать невозможно, потому что это для плебса, Кира не выдержала.

– А ты, можно подумать, исключительно Достоевского читаешь, – заметила она. – Или, может, Томаса Манна? Или Кьеркегора после работы штудируешь?

Она терпеть не могла таких разговоров! Почему это книга умная и увлекательная – для плебса? Потому что в ней нет натужного философствования?

– Ну, знаешь ли, – пожала плечами Марфа, – не обязательно в старину лезть. Эрленд Лу, например. Современно, иронично и умно.

Ну конечно! Претенциозный треп ни о чем – вот идеал литературы и вот основа для доморощенного снобизма.

– Эрленд Лу, – отчеканила Кира, – пишет поверхностно и легковесно. Намеки тонкие на то, чего не ведаёт никто. И вообще, у него не романы, а обыкновенные путеводители, и философские довески в них только раздражают.

– Каждому свое, – усмехнулась Ира. – Некоторые вообще сериалы смотрят.

Сериалов Кира не смотрела, но как все это опровергать, не знала. Она терялась от такой вот ничем не подкрепленной самоуверенности и ничего ей не умела противопоставить. Ну как вложить человеку в голову все, что ты знаешь и понимаешь, если на это понимание потребовалась целая жизнь, и не только твоя, но и твоих родителей, и бабушки, и, наверное, еще целой уходящей во тьму цепочки людей? Как все это передашь одним касанием? Невозможно. Да и пытаться это сделать – унизительно.

В комнате, куда убежали дети, что-то упало и разбилось. Судя по звуку, что-то немаленькое.

Если бы у Киры были дети, то она бросилась бы туда сломя голову. Но у нее детей не было, а у Матильдиных гостей и у самой Матильды – были, и никто из них никуда не бросился.

Наверное, если бы у Киры были дети, то она давно бы свихнулась с такими-то поведенческими установками. Как-то слишком уж сильно отличались ее представления о жизни от самой жизни; это было очевидно.

– Мамина юбилейная ваза, – спокойно заметила Матильда. – Ей на шестидесятилетие здоровенное такое корыто подарили. С цветочками. Мы еще все думали, куда его девать. К помойке вроде неудобно вынести – надписано. От коллег, и все такое, и место работы указано.

– Видишь, как бывает, – тем же тоном отозвалась Ира. – Не торопи события, и проблема решится сама собой.

Кира не помнила, как досидела до конца этого невыносимого празднества. Да и не до конца даже – ушла она первой.

Матильда, к Кириному удивлению, вышла проводить ее в прихожую.

– Это потому, что у тебя детей нет, – сказала она. Ни с того ни с сего вроде бы сказала, но на самом деле с немалой проницательностью, Кира ведь и сама все время об этом думала. – Мелкие эти... Вроде бы ничего особенного, но когда родишь, мироощущение меняется совершенно. В правильную сторону.

Кира понимала, что она права. Матильда не была ни клушкой, ни сумасшедшей мамашей, для которой все повседневное существование сводится к утиранию носов и выстряпыванию обедов, и говорила она не о бытовой осмысленности жизни, а о каких-то очень настоящих вещах.

Но что это за вещи, Кира понимала только умом. Чувство же говорило ей, что нет для нее ничего хорошего в таком мироощущении, когда становятся нормой назойливые вопли, и бесцеремонность, и вечное вмешательство в твою жизнь, на которое только и остается, что не обращать внимания.

И что поделаться со своим разбродом ума и чувств, Кира не знала.

– Да, а командировка-то! – вдруг вспомнила Матильда. – Геннадий тебя завтра осчастливит.

Геннадием звали главного редактора «Транспорта», унылого мужчину, которого Матильда называла припожилым.

– Какая командировка? – вздрогнула Кира.

Этого еще не хватало! Кира с детства была ленива на всевозможные передвижения, поэтому не очень-то любила срываться с места и менять привычный образ жизни, даже если речь шла о приятной поездке к морю. А уж идти против собственной природы по заданию издательства «Транспорт» и одноименного журнала представлялось ей совсем уж невозможной глупостью.

Но понятно же, что никуда не денешься: странно было бы, если бы в журнале с таким выразительным названием время от времени не случались командировки. За три месяца работы в доме Аршинова Кира уже побывала в Нижнем Новгороде и в Брянске и ничего хорошего в этих командировках для себя не нашла. Интересно, куда теперь?

– На Север куда-то, – пожала плечами Матильда. – Я особо не вникала.

Вот так вот! Мало здешней погоды, так будь добра, езжай еще севернее, и снег за шиворот, и ветер в уши, и... Едва представив это, Кира решила, что вникнет в суть предстоящих неприятностей завтра. Торопить события действительно не стоило, в этом философичная Матильдина подружка была, безусловно, права. Да она и во всем была права, наверное.

Глава 3

Пока доехала из Тушина к себе в центр, пока дошла от метро до Малой Бронной, было уже совсем поздно. Однако в семействе еще кипела жизнь: папы не было дома, мама плакала в кухне, и общая атмосфера была напряженной и тоскливой.

Правда, с тех пор как умерла бабушка, атмосфера бывала такой почти постоянно. Для того чтобы это переменить, одной твердости Кириного характера было мало. А того, что для этого необходимо, у Киры в характере не было. Она не знала даже, как это необходимое называется.

И точно так же не знала она, испытывает ли сочувствие к маме. То есть оно было, сочувствие, да, конечно. Но было оно каким-то... физиологическим; так его Кира для себя обозначала. Сердце у нее сжималось, когда она видела маму плачущей, но то, что говорил ей при этом разум... Кира называла это умственным холодом.

Как можно из года в год плакать, пить валерьянку, курить в кухне ночь напролет, и все это по одной и той же причине, по несложному набору одних и тех же причин, – этого она не понимала. И мамины унылые попытки сохранить такое вот статус-кво раздражали ее не меньше, чем невыносимый папин характер.

«Что на этот раз?» – хотела она спросить.

Но спросила все-таки по-другому – шадяще:

– Еще не приходил?

– Ушел, – высморкавшись в бумажный платочек, ответила мама. – Ушел, дверью хлопнул.

Даже не сказал куда.

«Не все ли равно куда?» – чуть не вырвалось у Киры.

Но не вырвалось. Подобные вопросы так же не имели смысла, как мамины слезы.

– Суп горячий, я тебе налью, – сказала мама.

Все-таки она тоже приноровилась за долгие годы – да что там за годы, практически за всю жизнь – к непрерывному семейному надрыву. Во всяком случае, вкусно готовить он ей не мешал.

– Поздно уже, – с сомнением проговорила Кира.

Супа, конечно, хотелось. На аппетит она вообще не жаловалась, а сегодня ей к тому же не удалось пообедать, да и поужинать тоже не удалось, не считать же ужином резаные помидоры и кусок магазинного торта. Но наесться на ночь... Нет, ни в коем случае! Так она никогда от своих лишних килограммов не избавится.

– Садись, садись, – сказала мама. – Еще не хватало гастрит заработать. С ума все сошли на своих фигурах. У нас сегодня, представляешь, что было! Какая-то идиотка позвонила на передачу к Овалову – знаешь, у него о питании передача – и говорит: посоветуйте, пожалуйста, как мне правильно выйти из диеты. Ну, Игорь Евгеньевич ее спрашивает: а какая у вас диета? Я, говорит, уже год ем только вареного пеленгаса. Представляешь?

– Что такое пеленгас? – спросила Кира.

Рассказывая, мама наливала суп. Стоило ей снять крышку с кастрюли, как по кухне распространился умопомрачительный запах.

– Пеленгас – это рыба, – ответила она. – Неужели никогда не слышала?

– Кажется, слышала, – пожала плечами Кира. – Да, слышала. И еще есть рыба прости-пома. Ну-ну, и что пеленгас?

– Да пеленгас-то ничего, а тетка эта с семидесяти килограммов сбросила вес до тридцати шести! Может такое произойти с нормальным человеком?

– С нормальным – не может, – согласилась Кира. – Но какая же она нормальная?

– Вот именно. Игорь Евгеньевич ей так осторожно – мало ли, вдруг из окна еще выбросится! – говорит: я бы вам посоветовал поскорее обратиться в лечебное учреждение. В смысле, «Скорую» сию же минуту вызвать. Этого он уже не говорит, конечно, – уточнила мама, – но именно это имеет в виду.

– Зачем? – спросила Кира.

– Что – зачем? – не поняла мама.

– Зачем ей вызывать «Скорую»?

– Так помрет же, дура сумасшедшая!

– Мама, – вздохнула Кира, – в мире каждый день умирает от неизлечимых болезней множество людей. Умных, толковых, кем-то любимых. Это большая потеря для тех, кто их любит, и для человечества в целом. А ты предлагаешь спасти идиотку, которая сама свою болезнь и сотворила. Возвращать ей здоровье, чтобы она потом, может, нарожала кучу детей, таких же идиотов с выморочными генами. А они сделают несчастными кого-нибудь еще, потому что выдумают подобный же идиотизм. Или просто наркоманами станут.

– Ну почему обязательно наркоманами?

– Потому что все положительное им будет неинтересно, – отчеканила Кира. – Скучно оно им будет. Потому что эта прекрасная дама с пеленгасом передаст им постоянное чувство неудовлетворенности всем и вся и полную неспособность находить для своей неудовлетворенности хоть сколько-нибудь разумное применение.

– Ох, Кира, Кира! – вздохнула мама. – Ты хоть понимаешь, что с такими взглядами ты счастливой никогда не будешь?

– А с другими – буду? – усмехнулась Кира. – На другие взгляды кто-то мне выдаст гарантию счастья?

– Люди таких не любят.

– Каких – таких?

– Которые уверены во всем, что говорят и делают.

– Мама! – воскликнула Кира. – Ну сама же ты себя послушай! Зачем бы я стала говорить и тем более делать то, в чем не уверена? Что это за положительное качество такое – говорить то, в чем не уверен? Что за средство для всенародной любви?

– Ох, Кира. – Мама в очередной раз вздохнула. – По сути, ты, конечно, права. Но люди этого не любят.

Собственно, мама не сказала ничего нового – Кира с самого детства знала, что люди ее не любят. И знала, что не любят именно за это – за уверенность в своих словах и действиях, за жесткий напор в отстаивании своей точки зрения, за непримиримость к тому, с чем она не считала нужным примириться.

То есть это уже потом, во взрослом возрасте, ее не любили вот так, осознанно. А в школе просто говорили, что Кирка Тенета считает себя самой умной и хочет всеми командовать.

Когда Кира услышала это впервые – ей передал всеобщее мнение одноклассник Валька Козырев, – то ужасно возмутилась и сразу же стала объяснять, что вовсе она не хочет никем командовать, а просто не терпит неправильности и несправедливости.

– Но другие же терпят, – спокойно возразил Валька. – А ты нет. Значит, считаешь себя самой умной.

– Но это же... это же... – То, что он говорил, да еще совершенно спокойным тоном, было так возмутительно, что Кира не могла найти слов. – Ведь так не должно быть! – выкрикнула она наконец.

Разговор этот произошел из-за выговора, который дали кому-то на комсомольском собрании; они учились тогда в девятом классе. Теперь Кира уже и вспомнить не могла, кому и за что был тот выговор, но ощущение несправедливости, которая для всех очевидна, но которую все

при этом почему-то принимают как данность, – это ощущение она и теперь, спустя пятнадцать лет, помнила.

И помнила, как рыдала в арке своего дома от этого ошеломляющего открытия – что люди, оказывается, ополчаются не против несправедливости, а против того, кто этой несправедливостью возмущен и доказывает, что ее не должно быть.

Это было в первый и последний раз, чтобы она так рыдала из-за чьего-то к себе отношения. Отрыдавшись, Кира поняла, что на подобные мнения не имеет смысла откликаться не только бурно, но и вообще никак не имеет смысла откликаться.

«На каждый чих не наздравствуешься», – говорила бабушка; Кира наконец поняла смысл этой поговорки.

Может ли она не делать того, что считает правильным? Не может. Может ли высказывать суждения, в которых не уверена, и соглашаться с каждым, кто станет ее суждения опровергать? Не может.

Ну и о чем в таком случае рыдать? Остается только быть самой собой, другого и не хочется, и не получится, даже если бы и хотелось.

– Ешь суп, пока не остыл, – напомнила мама.

Кира ела, а мама сидела напротив и думала о своем. Она никогда не расспрашивала Киру ни о том, как прошел ее день, ни о ее планах на вечер, или на завтра, или на отпуск, например. Кира знала, что все это – все, из чего состоит жизнь других людей, жизнь дочери, да и ее собственная, – не кажется маме существенным. То есть, конечно, если бы Кира заболела, или случилось бы у нее какое-то несчастье, или не несчастье даже, а просто возникла бы какая-нибудь трудность, которая потребовала бы маминых действий, – та любые необходимые действия немедленно совершила бы. Но повседневность мамина была так заполнена папой – его настроениями, проблемами, иллюзиями, замыслами, – что для любых мелких событий просто не оставалось физического пространства.

А все, что происходило в Кириной жизни, было именно мелкими событиями, так что мама в общем-то и права была в своем к ним невнимании.

Она осталась мыть посуду, а Кира сварила себе какао и пошла с кружкой в комнату с эркером.

Раньше эта комната была бабушкина, и Кира приходила сюда только в гости: бабушка терпеть не могла, когда нарушалось пространство ее жизни, и делать это не позволялось никому, в том числе и внучке, особенно когда та была маленькая.

– В приличном французском доме, – говорила бабушка, – детей до пятнадцати лет не пускают даже в гостиную, если там собрались взрослые люди. Я считаю, очень правильное обыкновение.

Когда Кира была подростком, то на подобные обыкновения страшно сердилась. Прислушиваясь к разговорам взрослых, которые приходили к папе или к бабушке, она понимала, что вполне могла бы в них участвовать, и ничуть она не глупее какого-нибудь студента, который явился, например, на консультацию по диплому.

Но когда Кира сама перешла в категорию взрослых, то поняла французские и бабушкины резоны. Вот хоть Кристинку сегодняшнюю взять – очень было бы неплохо, если бы ее мама не пустила свою незаурядную девочку в комнату, где собрались взрослые, вместо того чтобы печься о том, как бы не развились у нее какие-то мифические комплексы.

Но и бабушкины доводы, и Кирина подростковая досада – все это осталось в прошлом. Бабушка умерла, а Кира выросла, и могла она теперь заходить в эту комнату когда угодно, только не было больше в этом вожделенного счастья.

Она села на диван, завернула ноги в плед и отхлебнула большой глоток из кружки. Где-то она читала, что в какао содержатся вещества, с помощью которых вырабатывается гормон радо-

сти. Понятно, что содержатся, какао ведь тот же шоколад, а шоколадом как раз все и заедают печаль, и приобретают радость. Во всяком случае, так считается.

Какао Кира и варила себе каждый раз, когда ее охватывала тоска.

Сначала ей показалось, что сегодняшняя ее тоска не имеет решительно никакой причины. В самом деле, что сегодня было особенного? Обычный день с отвратительной погодой, обычное сидение на работе, потом в универе тоже в общем-то ничего необычного она не наблюдала, потом, у Матильды, вроде бы тоже... Не считать же чем-то особенным детские бесцеремонные вопли.

«А просто сегодня передо мной прошла вся моя жизнь, – вдруг поняла Кира. – Жизнь показала мне сегодня все возможности – всё, на что я могу в ней рассчитывать».

Эта догадка так поразила ее, что она чуть какао не разлила. Она поставила чашку на пол у дивана и, обхватив руками колени, принялась свою догадку анализировать.

Итак – работа. Какая у нее может быть работа, кроме как в нудном журнале «Транспорт», где она получает нищенскую, но стабильную зарплату, и получает в общем-то только за то, что с десяти до шести сидит в историческом здании у Ильинки, без особого напряжения пописывая статьи по незамысловатым лекалам и редактируя еще более незамысловатые чужие статьи?

А работа у нее может быть двух видов.

Первое – университет или академический институт. Чтобы ей туда попасть, потребуется огромное папино усилие, отчасти унижение перед людьми, которых он презирает, – в данном случае неважно даже, справедливо презирает или нет. Он вынужден будет сто раз напомнить этим людям, что Кира является внучкой Ангелины Константиновны Тенеты, известнейшего востоковеда, а он, Леонид Викторович Тенета, является, соответственно, сыном той самой, всеми уважаемой Ангелины Константиновны.

Нетрудно вообразить, какое удовольствие доставит папе очередное напоминание о том, что он имеет какое-то значение именно – а может, и только – как сын своей выдающейся мамы. Кира представила, как он помрачнеет, узнав, что ему предстоит куда-то ходить и кого-то просить, а потом вспылит, выкрикнет все, что он об этом думает, а потом расстроится, что обидел дочь, и, может быть, снова начнет пить, а если на этот раз не начнет, то помрачнеет еще больше, и мама станет метаться, не зная, как вывести его из депрессии, и примется звонить каким-то непонятным психоаналитикам и уговаривать папу к ним обратиться... И все это ради того, чтобы Кира получила бессмысленную должность с мизерной зарплатой, а потом вынуждена была бы еще бороться за право читать лекции, которые ей совсем не хочется читать, потому что она вовсе не уверена, что кто-то хочет ее слушать... Бр-р, даже подумать тошно! Нет уж, спасибо за такое счастье – обойдемся.

Второй вариант трудоустройства – глянец. Ради него Кире уже самой придется бомбардировать все существующие редакции, рассылая свое резюме и образцы статей, которые она успела написать, пока существовал журнал «Struktur» – непонятное издание об всем на свете, то есть о том, как все устроено, то есть по сути ни о чем. В сопроводительных письмах ей придется уверять, что она может написать множество других статей на любые темы, только закажите, а потом читать в ответ, что журнал в ее статьях не нуждается, потому что своих девать некуда, и вообще, она, может, не заметила, но в стране дефолт, рекламодатели растворились в волнах гиперинфляции, поэтому ни о какой штатной должности даже речи быть не может, хоть бы из журнала «Тайм» к ним просились, а фрилансеров и без Кире достаточно, нечем гонорары платить.

И все это будет либо писать, либо, еще хуже, при личной встрече произносить презрительным тоном какая-нибудь самоуверенная девица в правильном платьице, и будет она при этом окидывать Киру насмешливым взглядом, потому что одета Кира неправильно, и прическа у нее неправильная, и вообще весь вид как у взъерошенной курицы, и чего только лезут такие

тетки в правильное издание, на что они здесь рассчитывают, хронические неудачницы... Плавали – знаем!

Нет уж, спасибо и за второй вариант трудоустройства. Обойдемся.

Пока Кира анализировала таким образом свои производственные возможности, какао, сваренное по старинке, с молоком, подернулось пенкой. Она сдула пенку и отхлебнула очередную порцию радости.

Итак, с работой все ясно. Сегодняшний день в самом деле продемонстрировал ей единственно возможный для нее образчик трудовой деятельности. И за него еще надо сказать судьбе спасибо, у других ей подобных специалистов по лингвистике и журнала «Транспорт» нету.

Что у нас с другими сторонами жизнеустройства? Мужа у нас нет и не предвидится. Мама права: таких, как она, не любят, причем во всех смыслах, а в смысле отношений «мужчина-женщина» особенно.

Можно найти временного сексуального партнера. Это тоже не очень понятно, как его найти, если до сих пор не нашелся, – но предположим. Смысл такого сексуального партнерства – если не считать пользу для здоровья, которая, между прочим, никем достоверно не доказана, а потому сомнительна, – так вот, смысл его, вероятно, заключается в рождении ребенка. Что такое это будет, жизнь ей сегодня тоже представила во всей красе. С ее-то педагогическими способностями, не то что нулевыми, а даже отрицательными, из ребенка этого вырастет очередная Кристина, если чего не похуже.

Ну хорошо, рассмотрим идеальный, практически невозможный вариант: ей все-таки удалось добиться того, что называется «создать семью». И где гарантия, что она не получит в мужа точную копию своего папы? Любой психолог скажет, что повторение семейной модели родителей – это самый вероятный вариант для дочери.

При мысли о том, что придется всю жизнь посвятить чьему-то таланту, комплексам, капризам, мечтаниям и депрессиям, Кира даже вздрогнула. Что угодно, только не это! Только не то, что она наблюдала сегодняшним вечером, как и сотнями других домашних вечеров.

Да, денек, что и говорить, получился у нее эталонный. Целая жизненная палитра! И одна краска мрачнее другой. Даже какао не помогает.

Какао Кира все же допила, хотя сладкое на ночь было еще вреднее, чем суп. Но что поделаешь? Она типичная городская женщина тридцати лет, с недостатком доходов, с излишком веса и образования, и ведет она себя согласно той модели поведения, которая для таких, как она, типична.

Как это получилось, когда это стало так, что вместо самой из всех умной девочки, какой она была всегда, какой ее с раннего детства все считали, – вышло что-то самое обыкновенное, уныло типичное? Кира не понимала.

Мама заглянула в комнату.

– Я Сашу Иваровскую встретила, – сообщила она. – Забыла тебе сказать. Она звала тебя зайти.

– Сашка приехала? – встрепелась Кира.

– Они все приехали, – будничным тоном произнесла мама.

– Кто – все?

– Все твои. Саша, Люба, Федя. У Саши концерты в Москве, у Феди какие-то дела, у Любы – не знаю что. А вечером они все у нее собираются. У Саши.

– Мама! – Кира вскочила, как пружинной подброшенная. – И ты молчишь?

– Я же не молчу, – пожала плечами та. – Вот, сказала. Они все равно поздно вечером собираться собирались. Вот только сейчас, наверное.

Глава 4

Как прекрасно, когда из дому можно выйти в чем есть! Только резиновые сапоги пришлось надеть вместо тапок, чтобы десять шагов пробежать по снежной каше.

Свой дом на углу Малой Бронной и Спиридоньевского переулка Кира считала лучшим зданием в окрестностях. Конечно, не потому, что он был ярким образчиком московского конструктивизма – конструктивизм вообще не являлся ее любимым стилем, да и разве в архитектуре дело, когда речь о доме родном, – а потому что он был настоящий московский, и не старинный, и не современный, а ровно такой, как следует.

Квартиру в этом доме получил в двадцать седьмом году бабушкин отец. Тогда на крыше был розарий, и солярий, и чуть не павлины выгуливались. Про павлинов бабушка помнила не наверняка, но про розарий с солярием – точно, потому что ее и саму выгуливала на крыше няня, пока отец трудился в Госстрахе, для работников которого и был построен этот дом.

Он был угловой – подъезд, в котором жили Кира и Федор Ильич, выходил в арку на Малой Бронной, а Сашкин и Любин в Спиридоньевский переулок. В детстве они вечно спорили, которая из улиц лучше, и каждый, конечно, защищал свою. Хотя нет, Федор Ильич не спорил, его даже и невозможно было представить спорящим на такие бессмысленные темы.

Прежде чем свернуть за угол, Кира забежала в кондитерскую «Донна Клара», которая пару лет назад открылась в их доме, и купила двенадцать венских пирожных. Уж если супу на ночь наелась и какао напилась, то чего ж бояться «Эстерхази» и «Захера»? Тем более Люба вообще ни от чего не поправляется, в тридцать лет у нее фигура как в девятнадцать, а для Сашки какое-то несчастное пирожное не соблазн – если не захочет есть, то и не будет. И Федор Ильич вряд ли стал фанатом здорового питания несмотря на американскую действительность, нет, не стал точно, он всегда сам определял правила своего поведения, и едва ли это изменилось сейчас. Ну а лишать всю честную компанию венских пирожных ради заботы о собственной фигуре... Это, разумеется, глупость несусветная.

То, что в родном доме и его ближайших окрестностях можно купить пирожные к неожиданному вечернему столу или какую-нибудь бессмысленную, но милую финтифлюшку – они в изобилии имелись в бутике с приятным названием «Брюссельские штучки», – нравилось Кире чрезвычайно.

Ей вообще нравилась нынешняя московская жизнь, несмотря даже на то, что собственное ее в этой жизни положение трудно было считать выдающимся.

Кира вспомнила, как в девять лет Сашка подарила ей на день рождения хомячка, которого купила в зоомагазине на Малой Бронной – как раз там, где теперь открылись «Брюссельские штучки», – и хомячок этот в первую же ночь прогрыз клетку и убежал, и мама, и бабушка, и Кира, все боялись, что он заберется ночью к кому-нибудь из них в постель, а папа возмущался, как это животное продали вздорной девчонке, не потребовав, чтобы она привела родителей.

Да, «Брюссельские штучки» и «Донна Клара», что и говорить, были в этом смысле безопаснее зоомагазина.

Сашка отперла подъездную дверь по звонку в домофон, как всегда, не спрашивая, кто звонит, и двери ее квартиры тоже были уже распахнуты, когда Кира поднялась на третий этаж.

– Федька! – завопила Кира, увидев, кто стоит в этих дверях. – Федор Ильич!

Она звонко чмокнула его в щеку. Федор Кузнецов был самой надежной гаванью ее детства и юности. Да и не только ее и не только юности – еще когда Кира, Сашка и Люба были новорожденными младенцами, все уже знали, что трехлетний Феденька будет этих девочек защищать от всевозможных невзгод и опасностей, которые их подстерегают в жизни. Неизвестно было еще, в чем эти опасности могут заключаться, но мысль о защите была внушена Федору Ильичу сразу и прочно. Если надо ему было подобные мысли внушать – похоже, он с

ними появился на свет. Его и по имени-отчеству с детства именовали именно в связи с этим врожденным качеством.

– Как я тебе рада, если бы ты знал! – воскликнула Кира.

– Я знаю, – ответил Федор Ильич. – По себе.

Она немножко повисела у него на шее и даже ногами подрыгала. Сделать это было нетрудно – и вследствие Кирино куриного роста, и потому что за два года, что они не виделись, Федор Ильич не стал ни ростом пониже, ни в плечах поуже.

– Привет, – сказала Сашка, выходя из комнаты в прихожую. – Мы ее ждем, а она пирожные закупаает!

– Просто мне мама только сейчас сказала, что вы все приехали. – Кира протянула Сашке коробку из «Донны Клары». – Держи.

Они все приехали, все разом – как же это здорово! Вся бессмыслица, все уныние сегоднешнего дня исчезли, будто не существовали вовсе, и не верилось уже, что возможна в жизни такая глупая вещь, как уныние.

И Люба была уже здесь – из прихожей Кира увидела, что она стоит в кухне у стола и нарезает квадратиками пирог с капустой. Пирог этот Кира тоже помнила столько же, сколько себя: его пекла Любина мама, и он был прост и совершенен, как все, что тетя Нора делала. Люба в этом смысле была похожа на свою маму в точности.

Если Кира с детства считала Федора Ильича, с киношным пафосом говоря, надеждой и опорой, а Сашка Иваровская – единственным мужчиной, с которым можно говорить без скидки на эмоциональную примитивность, свойственную мужчинам как таковым, то Люба с детства же была в него влюблена. Она чуть не до обморока ревновала его ко всем, кроме разве что Кире, и к Кире не ревновала лишь потому, что ревновать к ней, да еще Федора Ильича, было бессмыслицей совершеннейшей.

Это было Кире абсолютно непонятно. Ну как можно двадцать лет быть влюбленной в человека, который помогал вывозить из подъезда коляску, в которой ты лежала в виде свертка бессловесного? Какая может быть любовь, если вы вместе разрисовывали разноцветными мелками попу обезьяны с памятника дедушке Крылову на Патриарших?

В общем, Любина любовь к Федьке всегда казалась Кире глупой фантазией и следствием ее упрямства, поэтому она ничуть не удивилась, когда та наконец эту фантазию бросила и на двадцатом году своей придуманной любви вдруг взяла да и вышла за жутко богатого немца и уехала к нему в шварцвальдское поместье.

А что должно было удивлять в Любином замужестве? Федька, во-первых, к тому времени и сам женился, во-вторых, уехал в Америку писать диссертацию по математической экономике, а в-третьих, только круглая дура за богатого и порядочного немца не вышла бы. А уж дурой Люба никогда не была – ум у нее был быстрый, хваткий и практический.

Вот когда она ушла от своего замечательного немца к бродячему музыканту – буквально к бродячему, будто из сказки про бременских осла, пса, кота и петуха, – тогда да, было чему удивляться. И причиной такого ее поступка следовало признать только любовь, потому что никаких других причин отыскать было просто невозможно. Музыкальных склонностей у Любы никогда не наблюдалось, так что профессиональную тягу предположить было трудновато, а денег у ее музыканта не было вовсе, да и ничего у него не было, кроме характера, в котором тонкость и чуткость каким-то загадочным образом образовывали, соединяясь, такой стальной стержень, какого и у акулы бизнеса, наверное, не обнаружишь.

Ну а раз причина не в профессии и не в деньгах, значит, логически рассуждая, она в любви.

Кирина логика подтверждалась еще и тем, что Люба жила со своим Саней уже десять лет и родила ему двух мальчишек, один из которых получился похожим на нее, а другой на него, будто по заказу. Мальчишки эти пели в каком-то необыкновенном детском хоре, которым

руководил их папа. То есть сама Кира, конечно, не понимала, обыкновенный это хор или нет, но судя по тому, что он вечно находился на гастролях в Европе, его следовало считать по меньшей мере успешным.

В общем, Федор Ильич в Америке, Сашка – куда судьба занесет, Люба тоже странствует со своим мужем и мальчиками – она в этом их хоре еще и администратор, – а Кира хоть и не странствует, но выходит, что видятся они редко. А вот так, как сегодня, все вместе, не видятся почти совсем.

Стоило Кире об этом подумать, как вечер заиграл такими волшебными красками, что она даже зажмурилась от счастья. Детство нахлынуло на нее всеми своими воспоминаниями разом.

– Как там наша Америка? – спросила она Федора Ильича.

Вопрос был не совсем отвлеченным. В Америке Кира прожила год – ездила по обмену в десятом классе, тогда как раз перестройка началась и можно стало ездить. Нельзя сказать, чтобы Кире как-то уж особенно понравилась жизнь в городе Чаттануга, все-таки он был до одури провинциален, и ничего примечательнее знаменитой джазовой мелодии «Поезд на Чаттанугу» с ним, на Кирина взгляд, связано не было. Вдобавок семья, в которую она тогда попала, оказалась невыносимо религиозной, какой-то показательно-пуританской; у нее после года жизни в этой семье навсегда пропала охота даже войти в какую-либо церковь.

Но Америку она тогда полюбила – ее размах, простоту, наивность, чистоту, и жесткость, и прагматизм в странном, необъяснимом сочетании; трудно было всего этого не почувствовать.

Федька, правда, жил не в провинциальной Чаттануге, а в Нью-Йорке, потому что учился своей математической экономике – что это такое, интересно? – в Колумбийском университете. Но Кире казалось, что их ощущение Америки должно совпадать.

– Хорошо там наша Америка, – ответил Федор Ильич. – Цветущая сложность.

Кто-нибудь другой удивился бы такой необычной оценке, но Кира без труда распознала цитату из философа Леонтьева и без труда же поняла, что эта цитата означает. Цветущая сложность – это как раз то, чего так не хватает в ее нынешней незамысловатой жизни.

– Как ты живешь, Кира? – спросил Федор Ильич. – Расскажи.

– Да ну, это неинтересно, – махнула рукой Кира. – Вон, Сашка и не спрашивает даже.

– Почему? – удивился он.

– Потому что я ее чаще вижу, чем ты, – объяснила Сашка.

– Нет – почему про твою жизнь неинтересно?

– А что интересного может быть в журнале «Транспорт»? – пожала плечами Кира. – Или в том, что моя мама опять поссорилась с папой? К тому же я тебе про все это и так периодически сообщаю в письменном виде.

Они с Федькой и правда переписывались, хотя и не регулярно, а от случая к случаю. И ничего интересного в ее жизни с последнего письма действительно не случилось.

– Кирка, а давай тебя за немца замуж выдадим? – предложила Люба.

Она уже нарезала пирог и теперь стояла на пороге кухни и облизывала с ножа остатки начинки.

– За твоего бывшего, что ли? – фыркнула Кира. – Гуманитарная помощь?

Люба и сама за словом в карман не лезла, и на других за это не обижалась. Она вообще была резкая, хлесткая. Отец, которого она никогда не видела, потому что он бросил ее маму, как только узнал о беременности, да не просто бросил, а убить пригрозил, – был из донских казаков, и характером Люба, похоже, удалась в него. Во всяком случае, если судить о казаках по «Тихому Дону». У нее даже глаза такие, какие, Кира представляла, были у Гришки Мелехова.

– Вы бы с моим бывшим жили душа в душу, – заверила Люба. – Он такой же правильный, как ты. Но он уже женат, к сожалению.

– К твоему сожалению?

– К твоему.

Она обменивалась с Любой ехидными репликами и чувствовала одно сплошное счастье. Оно было сильное, как удар в сердце.

Природу этого явления при всей его очевидности было не разгадать. Ну почему так происходит – ты видишь человека, с которым прошло твое детство, и испытываешь такой восторг, что чуть не задыхаешься в нем, как в горном воздухе? Хотя никакого особенного счастья от этого человека вроде бы не исходит, и ничего особенного он не говорит, а говорит даже, наоборот, какие-то глупости, вот как Люба сейчас про замужество с ее бывшим немцем.

– У меня два часа осталось, – предупредила Александра.

– До чего? – не поняла Кира.

– До того как придется замолчать. Концерт завтра, – объяснила та. – А перед концертом я сутки молчу, иначе голоса не будет.

И они стали разговаривать.

Они уселись в комнате, где стоял рояль Сашкиного деда, Александра Станиславовича Иваровского, и принялись пить вино, есть пирог и пирожные, и говорить, и говорить – обо всем, ни о чем, о каких-то глупостях, о жизни – о жизни своей и о жизни вообще, какой она явилась им после того, как детство кончилось, о работе, о хоре, о детях, о Германии, и об Америке, и о Москве, и о журнале «Транспорт», и о какой-то фотовыставке, на которую Сашка уже успела сходить с одним из своих бесчисленных кавалеров, хотя приехала всего лишь вчера...

Ни с кем и никогда Кире не было так хорошо говорить обо всем, и о глупых вещах так же хорошо, как о важных!

– И вот, представляете, – рассказывала Сашка, – стоят посередине выставочного зала четыре огромных экрана. А на них сначала идут символы разных киностудий – ну, лев, солнце, рабочий с колхозницей, еще что-то, – а потом начинаются титры.

– Какие титры? – не поняла Люба.

– Черт их разберет. Просто идут бесконечные титры. Как в конце фильма. Тысяча каких-то фамилий и не пойми какой еще информации. Идет и идет этот список бесконечный.

– И что это значит? – спросил Федор Ильич.

– Не знаю, – ответила Сашка.

– Да ничего это не значит, – усмехнулась Люба. – Вы что, еще не поняли? Люди половину того, что делают, – делают без всякого смысла. Просто так – чтоб было.

– Ну почему? – не согласилась Кира. – Насчет людей в целом – не знаю. А смысл этих титров, наверное, в том, чтобы заморозить сознание чем-то отвлеченным и вместе с тем конкретным. Авторы, видимо, хотят показать, что в жизни всегда именно так и происходит: отвлеченное и конкретное – это практически одно и то же, и оно завораживает сознание только тем, что существует непрерывно.

– Кира, тебе надо поменять работу, – сказал Федор Ильич.

– При чем тут работа? – не поняла Кира.

– При том, что это бред просто. Ты, с твоей-то головой, сидишь в какой-то дыре и пишешь черт знает о чем.

– Ну почему черт знает о чем? – не согласилась Кира. – Я, между прочим, три дня назад такую экономическую статью навалила про инвестиции в морской транспорт Дальнего Востока, что хоть в Штатах публикуй.

– Я про то и говорю, – кивнул Федор Ильич. – Твои таланты должны быть востребованы полностью.

– Федь, мои таланты никому не нужны. Ни полностью, ни частично, – пожала плечами Кира. – И я подозреваю, это потому, что никаких талантов на самом деле нет, а есть обыкновенные средние способности. А то, что ты называешь талантами, просто неадекватные представления. Твои обо мне и мои о себе. Хотя мои о себе уже скорректировались, – уточнила она.

– И напрасно, – заметил Федор Ильич. – Как они могли скорректироваться, если ты себя еще и наполовину не знаешь?

– Расскажи лучше, как ты живешь, – сказала Кира.

Разговоры о каких-то ее мифических способностях были ей неприятны даже в Федькином исполнении. Такие разговоры еще можно было вести в студенческие годы, когда она была лучшая на курсе, можно было даже в аспирантские, когда все восхищались ее диссертацией. Правда, во времена диссертации ей самой уже кое-что на свой счет становилось понятно... А уж за десять почти что лет, прошедших с тех пор, – ну смешно же не видеть очевидного!

И способность к такой отвлеченной науке, как лингвистика, и способность написать статью, которую тебе заказали, – все это совершенно не означает способностей к жизни, к сколь угодно востребованным ее формам. Людей с такими способностями, как у Киры, в Москве пруд пруди, и ни на что, кроме полунищенского существования, все эти люди рассчитывать не могут.

Как только она это по-настоящему осознала, как только перестала считать, будто ей кто-то чего-то недодал, жить ей сразу стало проще. Не лучше, не веселее, а вот именно проще.

Может, надо было объяснить все это Федьке, но Кире показалось, он и сам понимает. Как и Люба понимает это про нее, и Сашка. Они всегда всё понимали одинаково, хотя были совсем разные. Эффект общего детства, больше ничем это не объяснишь.

– Как ты живешь, как работа твоя? – повторила Кира. – Как твоя Варя?

Варя, Федькина жена, действительно интересовала ее в этом списке в последнюю очередь, если вообще интересовала. Видела Кира ее только один раз, на свадьбе, и знакомство с ней вызвало одно лишь недоумение; они даже посплетничали потом на эту тему с Сашкой.

Невозможно было сказать, что Варя им не понравилась. В ней не было черт, которые могли бы вызывать неприязнь, во всяком случае, на первый и поверхностный взгляд ничего такого не обнаруживалось. Ну, положим, красота у нее действительно была несколько... преувеличенная. Как на картинке с конфетной коробки. Кира даже удивилась тогда, что Федьке могло такое понравиться; это все равно как если бы ей самой понравилась открытка с котятками. Положим, и взгляд у этой Вари был чересчур ясный и наивный. Но, во-первых, что ж ему не быть ясным и наивным у восемнадцатилетней девочки, выросшей в хорошей провинциальной семье; что-то такое говорила про новую родню Федькина мама Мария Игнатьевна – мол, очень приличная семья. А во-вторых, Кире и Сашке даже волшебная фея показалась бы недостойной их Федора Ильича обожаемого, тем более что и Люба из-за его женитьбы расстроилась. И что же им было, за какую-то постороннюю Варю радоваться или за подругу переживать?

Так что никаких объективных претензий к Варе у Киры не было. Ее в самом деле интересовала Федькина работа, жизнь, ну и жена заодно.

– Варя пошла на курсы ландшафтного дизайна, – ответил он. Вот уж Федька всегда правильно расставлял людей и события по значимости! Его с этого ничем было не сдвинуть, и уж не бабскими сплетнями точно. – Работы у меня много.

По третьему пункту – о своей жизни – он ничего не сказал. Но ведь, наверное, мужская жизнь как раз и состоит из жены и работы? Ну и из детей, когда они появляются. Во всяком случае, Кира предполагала, что это так, а значит, Федькин ответ можно было считать исчерпывающим.

– На концерт ко мне завтра придете? – спросила Сашка. – В консерваторию.

– Придем, – ответил Федор Ильич.

Люба тоже кивнула.

– А меня, кажется, в командировку посылают, – вспомнила Кира. – На Север, что ли.

– На лыжах идешь? – хмыкнула Люба.

– Все может быть, – пожала плечами Кира. – Может, мой начальник считает их самостоятельным видом транспорта.

Глава 5

На лыжах идти, конечно, не пришлось. Но предстоящая поездка – выяснилось, аж на Сахалин – и без лыж казалась Кире немалым испытанием.

Вообще-то при мысли о том, что ей предстоит путешествие, которого она никогда не затеяла бы сама, – при одной этой мысли любопытство ее возбуждалось настолько, что начинало расцветать будущее яркими красками. Не так уж много в Кириной жизни было путешествий, и главное, все они были одиночными, а потому какими-то неполноценными.

Кира и сама не понимала, почему не умеет и не любит ездить куда-либо одна. При ее-то органическом неприятии любого на себя давления – казалось бы, что может быть лучше самостоятельной поездки? Иди куда глаза глядят, любуйся любыми красотами сколько душе угодно, хочешь, проводи весь день перед какой-нибудь скульптурой Микеланджело, хочешь, сиди в уличной кафешке и глазей на прохожих. Никто тебе слова не скажет, никто не поторопит, не вывалит на тебя груз собственных проблем в случайном разговоре и не разбудит чуть свет.

Все это было так, и все эти виды времяпрепровождения Кира вообще-то попробовала: и перед «Пьетой» в одиночестве стояла, и в парижском уличном кафе сидела, и даже на рафтинг в Турции съездила – до сих пор без ужаса не вспомнишь. И когда по возвращении из турпоездки в Париж или в Рим она кому-нибудь обо всем этом рассказывала, то путешествие уже казалось ей вполне интересным.

Но в тот момент, когда все это происходило... Да, в тот момент это воспринималось ее сознанием без всякого интереса. Сидела она, к примеру, в парижском кафе и тайком от самой себя поглядывала на часы, и непонятно ей было, зачем она здесь сидит, и от понимания, что сидит она здесь, потому что положено получать удовольствие от сидения в парижском уличном кафе, потому что она читала об этом в куче хороших книг, – от этого понимания Киру охватывала тоска.

Поэтому немалую долю в ее теперешней душевной приподнятости составляло то, что командировка организуется для целого десятка журналистов, а значит, предстоит новое общение, которое окрашивает любые события какой-то новой живостью.

К тому же Кира давным-давно, со школьной поездки в Америку, не летала на такие дальние расстояния. А воображение у нее все-таки было посильнее, чем физическая лень, поэтому даже затекшие в самолете ноги не перебивали мыслей о том, что перемещается она не только в пространстве, но и во времени – прямо в завтрашний день. Вот у всех в Москве еще сегодня, а у нее – все больше и больше завтра. Это изумляло и захватывало.

– Могли бы и бизнес-классом журналистов отправить. Почему я должна восемь часов ноги под подбородком держать?

Кирина соседка по имени Элина высказывала недовольство поминутно – жидким чаем, колючим пледом, тусклой лампочкой, теперь вот недостаточным расстоянием между креслами. Еще в Домодедове, в очереди на регистрацию, она сообщила всей группе, что пишет о российском бизнесе для «Файнэнш Таймс». В Кирином представлении это означало, что девушка имеет непримитивный умственный аппарат. И как при этом можно предъявлять ежесекундные претензии к мироустройству, то есть быть очевидной дурой, – было Кире непонятно. Что ж, следовало, наверное, в очередной раз признать, что ее знания о жизни и людях неполны.

– И к тому же я не успела пиджак в химчистку сдать, – сказала Элина. – Придется на Сахалине сдавать.

– Какой пиджак? – машинально спросила Кира.

– Вот этот, что на мне. Я его в бутике на бульваре Пуассоньер купила. И он, видишь, вот здесь, где прошивка, вином залит. А в химчистку я перед отъездом опоздала. Теперь придется на Сахалине сдавать. Как ты думаешь, там у них химчистки есть?

– Думаю, есть, – ответила Кира.

Почему нельзя было надеть в поездку другой пиджак, она спрашивать не стала. У Элины явно имелись в жизни какие-то резоны, которых Кире все равно было не понять.

– А в химчистку опоздала потому, что в парикмахерской целый день просидела, – сказала Элина.

Хотя о причинах опоздания в химчистку Кира ее тоже не спрашивала.

– Да? – неопределенно проговорила Кира.

Ей все-таки казалось неудобным совсем никак не отзываться на этот поток сообщений.

– Я там волосы развивала, – объяснила Элина.

Тут даже Кира заинтересовалась. Как это – развивать волосы? Что они, дети?

– Ну, в смысле, выпрямляла, – последовало очередное разъяснение. – Мне их приходится раз в неделю специальными щипцами выпрямлять. А то они у меня выются, как шерсть у барана. Генотип, ничего не поделаешь.

Генотип у нее был азиатский, но какой именно, было непонятно.

– Я из Улан-Удэ, – в очередной раз не дожидаясь Кириных расспросов, сообщила она. – В Москве десять лет живу. Малую родину вспоминаю как кошмарный сон.

«Сейчас начнет рассказывать почему», – с тоской подумала Кира.

Но вместо рассказа о малой родине Элина вспомнила другое.

– Ой, а знаешь, как мы недавно с подружкой в театр ходили! – воскликнула она.

«Не знаю и знать не хочу!» – едва не простонала Кира.

Но Элина уже рассказывала о своем замечательном походе.

– Мы с ней опоздали. И не успели поехать. И она взяла с собой селедку.

– Какую селедку? – оторопело спросила Кира.

– Копченую. И когда свет погасили, то на коленях у себя ее развернула и стала чистить.

– Это что, эпатаж такой? – недоверчиво проговорила Кира.

– При чем здесь эпатаж? Она селедку любит как безумная. И как раз есть захотела. – Элина посмотрела с недоумением. – Что же ей было делать?

Кира могла поклясться, что недоумение в ее взгляде было совершенно искренним.

Как объяснить, что делать в случае голода человеку, который считает возможным чистить в театре селедку, Кира не понимала. Что вообще такое этот человек, она не понимала тем более. Списать эту святую простоту на азиатское происхождение было так же невозможно, как на эпатаж.

Это такое сознание. Вот такое.

Кира уже привыкла к тому, что немалое число человеческих поступков определяется только сознанием – непонятным, чуждым и неприемлемым, от которого при этом некуда деваться, потому что никуда не денешь его носителей.

Мир, в котором было разлито такое сознание, простирался перед нею шире, чем поля облаков под крылом самолета.

– В общем, это было дико смешно, – заключила Элина. – Знаешь что? Я попрошусь к бизнесам. Там у них места есть, я видела. И шампанское наливают, и вообще удобнее. Хочешь, вместе попросимся?

За шторками салона бизнес-класса в самом деле виднелись свободные кресла. Летели в этом салоне в основном мужчины, и по всему их виду было понятно, что они-то и есть бизнеса. Ну, не учителя же математики.

– Нет, – поспешно сказала Кира. – Я спать буду. Ты иди одна.

Она и не надеялась, что удастся так неожиданно избавиться от Элининого соседства. Обычно носители такого сознания оказывались куда более назойливыми.

Элина не вернулась ни через пять минут, ни позже; видимо, ее натиск на бизнесов оказался удачным. И Кира уснула, успев удивиться, что сон дался ей легко. Она и в своей-то кровати засыпала с трудом, не говоря про самолетное кресло. Даже странно, что бессонница имела над ней такую власть – на недостаток воли она ведь не жаловалась.

Ей снились львы и сороки, бегущие по синим дорожкам, и что сама она бежит с ними, и она при этом не львица и не сорока, а такая, как есть, но со львами и сороками ей на синих дорожках легко и хорошо.

Кира видела это и сознавала, что спит. Наверное, все это было слишком необычно, чтобы она могла поверить, будто подобное может происходить с нею наяву, и изумление, которое она от этого испытывала, не давало ей отдыха.

Во всяком случае, к моменту приземления она была такой сонной, будто и не спала вовсе. Это было даже хорошо: из Москвы вылетели вечером, на Сахалине тоже сейчас вечер, значит, можно будет сразу упасть в кровать, выспаться, и на завтра разница во времени окажется уже неощутимой.

Правда, прежде чем лечь спать, предстояло еще добраться до гостиницы, а до этого получить багаж. Это оказалось непросто: транспортер в багажном отделении был один, прилетели сразу два рейса, и люди встали вокруг транспортера так плотно, что Кира не могла не то что приблизиться к нему, но даже краем глаза разглядеть, что там по ленте едет. Когда она попыталась втиснуть голову в случайно образовавшийся просвет между телами, то голову ее сжали так, что она тут же вывинтилась обратно и больше таких попыток не предпринимала.

Она стояла перед сплошной стеной широких спин, ресницы ее схлопывались сами собою, в голове плыл сонный туман, и всего ее терпения, всей воли не хватало на то, чтобы относиться ко всему этому как к должному. Но и сделать с этим хоть что-нибудь было невозможно.

– Девушка, ваш который чемоданчик? – услышала она сквозь пелену сна. – Цвета какого?

Спрашивал ее об этом незнакомый парень. Можно было бы сказать, что вид у него разбитой, если бы он не был таким высоким и широкоплечим. Прямо как Федор Ильич.

– Клетчатый, – с трудом шевеля губами, ответила Кира. – В красно-зеленую клетку.

– Виктор Григорьевич распорядился, чтобы мы журналистам помогли, – объяснил парень.

И, не вдаваясь в дальнейшие объяснения, могучим и бесцеремонным движением раздвинул – чуть не расшвырял – стоящих у транспортера людей. Несмотря на сонливость, Кира отметила, что те даже сопротивляться не попытались – восприняли этот натиск как само собой разумеющийся и правильный.

– Идите к автобусу, – сказал ей еще один незнакомый парень, по виду родной брат первого. – А чемодан ваш мы принесем.

Кира поплелась к выходу из багажного зала, от выхода – к автобусу, который еле разглядела сквозь темную пелену снега.

Сахалинский октябрьский снег если чем и отличался от московского, то лишь более крупными и мокрыми хлопьями, да еще тем, что на асфальте и не лежал, и не таял, а создавал сплошную мокрую жижу. Жижа эта была такой глубокой, что залилась Кире в сапоги, а мокрые хлопья, летящие сверху, сразу же попали за шиворот и некстати ее взбудрили.

Так что по дороге до гостиницы она наслаждалась всей полнотой этого состояния: текущие по спине талые струйки, насквозь мокрые ноги и насквозь же ясное сознание, позволяющее всю эту прелесть ощущать.

«Из каких глупых мелочей состоит моя жизнь, – вдруг поняла она. – Ничего в ней цельного, большого, сильного – только пустая каша. И что, так теперь всегда и будет?»

Ответа на этот вопрос она не знала. Или просто старалась не давать себе ответ.

Глава 6

Обидно было – ну просто невыносимо!

Стоило ли ехать за тридевять земель, чтобы с утра до вечера чувствовать себя сонной мухой?

Это состояние длилось у Киры с первого ее дня на Сахалине, и не похоже было, что оно закончится до отъезда. Ей не то что даже хотелось спать – она просто чувствовала себя спящей. Не живущей, а спящей. Никогда с ней такого не бывало, ее интерес к жизни всегда имел высокий градус, разум всегда работал, и то, что эта работа вдруг прекратилась и всякий интерес исчез напрочь, – это было неожиданно и крайне неприятно.

Но самое обидное начиналось к вечеру. Часов в девять по-сахалинскому времени Кира вообще переставала осознавать реальность.

Сразу после приезда журналистов повезли на приветственный ужин в ресторан, а она, хоть и сидела вместе со всеми за столом, лишь назавтра узнала от Элины, что угощали, оказывается, камчатскими крабами, морскими гребешками и морскими же ежами, о существовании которых ей было известно только понаслышке. Не распробовать, не запомнить и даже не заметить всю эту экзотику было очень обидно.

Да, к девяти вечера Кира падала на кровать уже просто без сознания и засыпала как мертвая. Но часа через три – в Москве к этому времени наступал белый день – она просыпалась абсолютно бодрая, и непонятно было, что с этой некстати пришедшей бодростью делать.

Кира то вертелась в постели, то вставала и пила воду, то открывала окно и дышала так старательно, будто в ночном воздухе разлито снотворное, – все было бесполезно. Она маялась до утра и только часов в шесть – к московскому вечеру то есть – наконец засыпала. Через два часа приходилось вставать, куда-нибудь ехать, и все начиналось с начала в том же сомнамбулическом ритме.

Сегодня пошел уже третий день, проживаемый ею в качестве не человека, а бессмысленной биологической единицы.

В этот день предстояло ехать на пятидесятую параллель. В названии слышались отзвуки Жюль Верна и каких-то приключенческих первооткрывателей, в нем была та же волнующая тайна, что и в названии острова Монерон или пролива Лаперуза. И Кире ужасно было жаль, что все это счастливое, детское ощущение загадки растворяется в тусклом болоте ее сонного сознания.

В городок Поронайск и в поселок Смирных, где проходила эта самая параллель, повезли не на автобусе, а на поезде – как объяснили, потому что примерно на половине пути от Южно-Сахалинска асфальт заканчивается и начинается то ли гравийка, то ли грунтовка; Кира не слышала. Странно ей все-таки показалось, что к началу двадцать первого века чуть не половина огромного богатого острова не имеет асфальтовых дорог, и тем более это было странно, что рядом, на японском острове, пролегали дороги, похожие на космические трассы.

Впрочем, подобные вещи давно уже стали для Киры привычными, так что Сахалин, можно считать, лишь укрепил ее способность ничему не удивляться.

– Ну, если у них тут срочная химчистка считается четыре дня, то откуда возьмется асфальт? – хмыкнула Элина. – Пиджак, представляешь, только завтра привезут. И неизвестно, как еще почистят. Я уже жалею, что сдала.

Рассказом о горькой участи своего пиджака она изводила всех окружающих. Единственное, чем хорошо было Кирино состояние, это безразличием к Элиным сетованиям. Не будь спасительного сомнамбулизма, Кира ломала бы голову над тем, что это за существо такое, чем оно живет, откуда у него берется разум для того, чтобы работать и даже быть, как принято говорить, успешным, – и размышления эти раздражали бы ее своей навязчивостью.

А так – она лежала, свернувшись калачиком, на верхней вагонной полке и слышала Элинино зуденье как сквозь вату. Поезд шел берегом моря, и красота его – огромного, с набегающими суровыми волнами – ошеломляла и завораживала даже сонный взгляд.

Снег, валивший в первый день, оказался не окончательным. Той же ночью он растаял, и сахалинская осень сияла теперь таким солнечным золотом, что куда Москве. Растения здесь были огромные и странные. Лиственницы, стоящие на открытых пространствах, так привыкли к ветру, что приняли форму флагов, и даже когда ветра не было, они напоминали о нем. Только флаги эти были как-то слишком корявы и тощи.

«Ну да, Чехов ведь так и писал – что лиственницы здесь жалкие, точно огрызенные», – думала Кира.

Память у нее была избыточная, Чехова она любила, и его мысли, его слова о тех местах, которые она теперь сама видела воочию, были для нее такой же реальностью этих мест, как Охотское море, качающееся в невидимых берегах, и отливающие сталью скалы, и флаговые лиственницы. И даже большей реальностью они были, эти чеховские слова, потому что меняется рисунок берегов, и деревья, и травы, и любая часть видимого пространства может измениться или даже исчезнуть совсем, а то пространство, невидимое, из которого его слова пришли и в котором они теперь существуют, – не исчезнет никогда.

Киру несколько смутила патетичность собственных размышлений, и она завертелась на своей полке. Но это же правда! Подумав так, она успокоилась.

В Поронайске часть журналистов из поезда выгрузилась: их везли на местный рыбзавод. Кира наскоро просмотрела информацию о нем в брошюрке, которую раздали перед поездкой, и уяснила, что там производят, и даже все это запомнила, хотя и непонятно зачем; для работы это было ей не нужно. Избыток памяти, избыток.

Она оставалась в той части группы, которая ехала поездом дальше, в поселок Смирных. Для нее это была чистой воды экскурсия: региональную малую авиацию, ради описания которой Кира была отправлена в командировку, собирались показать журналистам позже, а на пятидесятой параллели ничего производственного показывать не обещали. Но именно там была разбита японская армия и закончилась Вторая мировая война, и хотелось посмотреть дзоты и вообще разобраться, что там происходило. Кира имела об этой части войны весьма смутное представление, поэтому ей было интересно.

Да, она вдруг почувствовала интерес к происходящему, и по этому своему интересу поняла, что наступил вечер. То есть для нее утро, значит.

Что ж, раз уснуть не удастся, то имеет смысл хотя бы воспользоваться неурочной бодростью и успеть увидеть что-нибудь интересное.

Но увидеть хоть что-нибудь, интересное или не очень, оказалось невозможно. Вышли из поезда на маленькой станции, сели в автобус и поехали в кромешной темноте через лес.

Кира приоткрыла окно и слушала, как шумят листья. Ей казалось, что шумят они совсем не так, как по дороге на дачу в Кофельцы, а похож их здешний шум на шум охотских осенних волн.

Но, может, шумели они обыкновенно, как везде листья шумят, а все остальное было лишь игрой ее перенасыщенного воображения.

Она сидела прямо за водителем и видела через лобовое стекло огни идущих впереди машин – огромных японских внедорожников.

– Спонсоров везут, – сказал фотограф из «Коммерсанта», сидящий рядом с Киру. – На «Лэнд-крузерах».

Огромную сумку с фотографическими принадлежностями он не выпускал из рук ни на минуту. Теперь она лежала у него на коленях, придавив Киру острым боком.

– Чьих спонсоров? – спросила она.

– Наших. Которые пресс-тур проплатили. Длугач и К^о. Длугач основной, остальные – К^о на побегушках.

Что поездку оплатил Виктор Длугач, глава холдинга, название которого представляет собой какую-то бессмысленную аббревиатуру из латинских букв, Кира знала. Казалось странным, что этот холдинг занимается и речными перевозками, и региональной авиацией, и портами, и банковским делом. Но что она в этом понимает и что ей до этого вообще? Удалось Сахалин увидеть, и на том спасибо господину Длугачу вместе с его Ко.

На ночь их везли, конечно, в гостиницу, но Кире не очень-то было понятно, откуда она здесь возьмется. Ей трудно было представить, что по этой темной дороге тянется сплошной поток туристов или коммерсантов, которым постоянно нужна была бы гостиница.

Когда лес наконец закончился и показались впереди редкие огоньки, она решила, что на ночлег, наверное, разместят в деревенских домах. В университете, когда всех студентов посылали в колхоз картошку убирать, то как раз таким образом и расселяли, и если везло с хозяевами, то жилось совсем неплохо: пили парное молоко, ели домашнюю грибную похлебку и тыквенную кашу.

За широкими воротами, в которые въехал автобус, в самом деле были разбросаны невысокие домики, но на деревенские они похожи не были. Кира сидела в начале автобуса, поэтому оказалась в числе тех, кого разместили в первом из них.

Войдя в этот домик, она ахнула.

Посередине большой комнаты был накрыт стол. Он действительно был накрыт – вышитой скатертью. И поверх этой скатерти уставлен едой.

На круглом блюде лежали разноцветные лепестки рыбной нарезки – красные, желтые, серебристые. Рядом стояла большая деревянная миска с творогом. И еще одна, тоже деревянная, с крупно нарезанным хлебом. И сметана белела в маленькой крыночке; наверное, ею надо было заправить салат из помидоров и огурцов, пестреющий в очередной миске. И были еще соленые огурцы и помидоры – отдельно. И соленые грибы. И еще какие-то соленья, которые Кира видела впервые в жизни.

– А горячее-то какое, а!.. – восхищенно заметил фотограф.

Он поднял крышки двух стоящих на плите чугунков и шумно вдохнул пар, поднимающийся над желтыми картофелинами и над тушеным мясом.

Все это напоминало немецкую сказку про маленьких гномов, которые ночами убирают комнаты, пекут хлеб, шьют одежду и исчезают прежде, чем люди успевают их увидеть. И от того, что за окном была не Германия, а пятидесятая параллель, все это еще больше будоражило воображение.

Вроде бы пообедали не так уж давно, но домашняя еда выглядела до того соблазнительно, что все сразу же уселись за стол, и ели, и смеялись, и болтали, и наконец почувствовали себя не случайно оказавшимися в обществе друг друга, а близкими людьми, которым чрезвычайно интересно рассказывать друг другу какие-то истории из своей жизни и слушать истории из жизни чужой, хотя какой-нибудь час назад никому из них друг до друга и дела никакого не было.

«Неужели все это только из-за домашнего творога?» – с удивлением подумала Кира.

Странно, но похоже, что именно так. Никаких других причин для взаимной любви выявить было невозможно.

Мало она все-таки знает о человеческих отношениях – вот что Кира вдруг поняла.

– Я тут на днях интересную штуку прочитал, – сообщил Денис, фотограф из «Коммерсанта». – Оказывается, по мимике люди распознают всего шесть эмоций: печаль, страх, гнев, отвращение, удивление и счастье. То есть европейские люди. А азиаты почти все это по лицу вообще не распознают. Поэтому им наши фильмы смотреть не очень-то интересно – не пони-

мают, что это артисты изображают, чего лицом хлопочут. Но зато они по глазам могут понять, что человеку стыдно. А наши никакого стыда по глазам не понимают.

Стали спорить, правда это или выдумка психологов, потом доели желтое домашнее сливочное масло с последней хлебной горбушкой, и крошки собрали, и чуть не масленку вылизали, и пили чай с шиповниковым вареньем. Шиповник в этом варенье был такой крупный, какого Кира никогда в жизни не видела. Впрочем, на Сахалине многое было гигантским – лопухи вообще выглядели какими-то марсианскими.

Ей интересно было сидеть за накрытым домашней скатертью столом, говорить о каких-то неожиданных вещах, и из-за всего этого стало ей радостно. Это и было то биенье жизни, которым ее привлекали путешествия.

Спать ей уже не хотелось ни капельки! Она вспомнила и сразу всем захотела рассказать, как лингвистика, изучая отличия в строении языков, однажды установила, что практически все они обладают общими чертами и развиваются схожим образом. Есть, конечно, загадочные исключения вроде баскского или языка айну, но...

Но, наверное, интересный разговор только ее сделал неутомимой. Остальные же осоловели наконец от домашних яств, отвалились от скатерти-самобранки, потихоньку потянулись в свои комнаты... И, едва собравшись рассказать обо всех этих интересных лингвистических штучках, Кира вдруг обнаружила, что за столом остались только она и Денис.

– Ну чего, на боковую, – сказал он, зевая. – Завтра с утречка на японские дзоты повезут, выспаться надо.

Грустно ей стало. Ей каждый раз грустно бывало обнаруживать, что человек человеку в основном и не друг, и не враг, а так.

Денис ушел спать. Кира убрала в холодильник блюдо с остатками рыбы, нашла свою спальню на втором этаже; все здесь было по-домашнему.

И, едва войдя в эту спальню, она поняла, что не заснет даже под угрозой расстрела. То ли отголоски недавних разговоров вертелись в голове чересчур бурно, то ли сахалинское время никак не становилось привычным, но сна у нее не было ни в одном глазу.

Глава 7

Она вышла на веранду. Тишина стояла пронзительная, пахло рекой, темнота была крошечной, и только звезды сияли в небе так, будто оно было проколото насквозь и через эти проколы проглядывало какое-то другое пространство, не здешнее, состоящее из сплошного ослепительного света.

Эта мысль – о зазвездном, занебесном пространстве – показалась такой неожиданной и радостной, так манила она куда-то, что Кира спустилась с веранды и пошла по усыпанной гравием дорожке.

Она шла не разбирая пути под сверкающими звездами, и запах воды становился острее, и ночная свежесть сильнее, и это нравилось ей необыкновенно, как нравилось все новое и настоящее, что открывала перед нею жизнь, пусть и не очень уж часто.

Кира от рождения была трусихой. Лет до шести она боялась муху, залетевшую в темную комнату, и категорически отказывалась спать, пока эту муху не выгонят. Да что там муху – она почему-то боялась самого обыкновенного перышка, вылезшего из подушки! Папа сердился, кричал, что такие дурацкие страхи непростительны даже для девочки, а бабушка ему объясняла:

– Дело не в том, девочка или мальчик, а в том, сколько человеку на всю жизнь отпущено воображения. Если много, то в детстве его почти наверняка будут мучить фантомы этого воображения. Зато ему никогда не наскучит жить.

Неизвестно, наскучит Кире когда-нибудь жить или нет, но в детстве мир в самом деле предстал в ее воображении фантазмагорическим. Он не был залит ярким солнцем, как, наверное, положено миру детства; во всяком случае, Кира его солнечным не помнила. Она помнила его полным смутных теней, непонятных слов, тревожных снов, странных событий и вот этих вот необъяснимых страхов, вроде страха перед перышком.

И чем все это ни считай, фантомами воображения или обещанием будущей интересной жизни, а назвать ее смелой можно было разве что в насмешку.

Поэтому то, что она пошла в темноте и одиночестве по неизвестно куда ведущей ночной тропинке, было более чем странным для нее поступком.

Гравий перестал хрустеть под ногами – Кира не заметила, как вышла к реке. Наверное, она и не могла этого заметить, потому что выглядела эта река очень непривычно: начиналась словно бы прямо посреди дороги, без всякого спуска вниз. Теперь, в темноте, ее почти не было видно, но хорошо было слышен шум, и шум этот говорил о быстром ее течении.

Кира присела у воды, положила ладонь на поверхность. По ладони побежали холодные струи, и в холоде этом была та же необъяснимая радость, что в ночном вдохновенном разговоре незнакомых людей, и в неизвестном пространстве за звездами, и в фантомах детского воображения. А почему это так, Кира не знала.

– Не боишься одна гулять? – раздалось у нее над головой.

Она не закричала в голос только потому, что голос у нее пропал от страха. Все элегические размышления выветрились из головы мгновенно, и осталась одна только мысль: «Что ж я за дура такая, куда ж я среди ночи поперлась?!»

Впрочем, сразу же за этой мыслью последовала другая, отрезвляющая: «Во всяком случае, это не медведь. И не убийца какой-нибудь, наверное, иначе без лишних слов по голове бы стукнул».

Воображение воображением, а здравый смысл все-таки был главной Кириной чертой.

– А надо бояться? – судорожно сглотнув, переспросила она, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее.

– А чего нас бояться?

Голос из темноты прозвучал насмешливо. Кира совсем успокоилась. Насмешка относилась к числу привычных для нее интонаций, а процитированный этим человеком анекдот про встречу на кладбище с вампиром – к числу тех анекдотов, которые она знала с детства. А значит, и бояться всего этого не обязательно.

– Это какая река? – спросила она, распрямляясь.

Ей в самом деле было это интересно.

– Поронай. Почти через весь Сахалин течет. Рыбы в ней пропасть.

Все-таки, несмотря на общие с Кирой детские анекдоты, речь у него была для нее непривычная. Она никогда не сказала бы «пропасть» вместо «много».

Манера его речи ей понравилась.

– Вы рыбак? – спросила она.

– Не то чтобы рыбак. Но рыбачить люблю. Куришь?

– Нет. Но вы курите, если хотите.

Сказав это, Кира сообразила, что он у нее разрешения и не спрашивал. И что незачем говорить ему «вы», если он называет ее на «ты».

– Ну, садись, покурим, – сказал он. – Сюда садись, на бревно.

Глаза привыкли к темноте – Кира видела теперь хотя и не черты его лица, но абрис. Если можно было назвать этим тонким словом несложное сочетание рубленых линий и углов, из которых его лицо состояло.

Он закурил и уселся на бревно, и Кира села рядом. Глупо было бы стоять перед сидящим мужчиной.

– Тебя как зовут? – спросил он.

– Кира.

Она ответила машинально и только после этого, опять с опозданием, сообразила, что она не школьница, а он не учитель, и неуместно ему спрашивать ее имя, если сам он предварительно не назвал свое.

– Виктор, – словно в ответ на эти ее мысли, представился он.

Похоже, он не думал о том, как положено и как не положено. Возможно, не только не думал, но просто ничего про все эти церемонии не знал. Ну конечно, не знал! Кира вдруг почувствовала это так ясно, как будто он вслух сказал ей об этом, сказал с теми же простыми интонациями, с какими говорил, что в речке рыбы пропасть. И в ответ то ли на это его незнание, то ли на естественность его интонаций Кире стало легко, и сама она тоже перестала думать, как положено, а как не положено.

– Ты из какого издания? – спросил он.

– Из «Транспорта», – ответила она. И, тоже без церемоний, поинтересовалась: – А ты? Что-то я тебя до сих пор не видела. Ни в поезде, ни в автобусе.

– А я отдельно приехал. Длугач я. Который вас всех сюда привез.

Ах, вон оно что! Кире стало жаль, что он не такой, как она. Да, именно этими словами она подумала: «Жаль, что он не такой, как я».

– Ты экономист? – спросил Длугач.

– Нет, – покачала головой Кира.

– Тогда почему про экономику пишешь?

– Потому что про лингвистику писать никто не просит, – усмехнулась она. И на всякий случай пояснила: – Я филфак заканчивала. У меня диплом по лингвистике.

– А лингвистика – она что изучает?

В его голосе послышался живой интерес. Кира сразу распознавала такие интонации и любила их. Она давно их не слышала в голосах посторонних людей. Да и в голосах близких тоже.

– Лингвистика изучает языки, – сказала Кира. – Языки мира как явление.

– Вавилонскую башню, значит?

Он усмехнулся. Усмешка не была видна, но отчетливо слышалась в его голосе.

– В общем, да. – Кира улыбнулась. – В символическом смысле Вавилонская башня действительно была, это все современные исследования доказывают.

– Раскопки?

– Да нет, не то чтобы обломки от нее нашли, а просто лингвисты убедились, что нет универсальных правил, которые были бы общими для всех языков.

– А думали есть? – уточнил он.

– Да. Но теперь выясняется, что лингвисты тоже, как и библейские строители, возводили Вавилонскую башню. То есть пытались соорудить из разрозненных фактов что-то устойчивое и таким образом дотянуться до единого закона, по которому якобы живут все языки. А они живут по очень многим законам, вот что оказывается.

Как раз это Кира и хотела рассказать за столом, но не успела. Она понимала, что лингвистические проблемы вряд ли могут быть интересны этому человеку, постороннему, с рублеными очертаниями лица и с большими деньгами в кармане. Но, понимая это, Кира почему-то знала, что он слушает ее с интересом. Она вот именно знала это, а не видела, ведь ничего нельзя было разглядеть в глухой осенней тьме.

– Я тоже думаю, что никаких общих законов нету, – сказал он.

– В лингвистике?

– Насчет лингвистики не скажу, а в жизни нету, – вполне серьезно ответил он. – У каждого жизнь по-своему поворачивается. Мы вот когда-то с дружкой моим Колькой вместе дела начинали. А теперь он на Тишинке со старушками стоит, пуговицы продает и боты ношенные, а у меня сама видишь что.

– Заводы, газеты, пароходы? – усмехнулась она.

– Про газеты я еще не объявлял, – удивился он. И настороженно спросил: – А ты откуда знаешь?

– Ничего я про твои газеты не знаю, – успокоила его Кира. – Это просто детское стихотворение. Про то, как мистер Твистер, владелец заводов, газет, пароходов, решил на досуге объехать мир. – И спросила: – А какие дела вы с Колькой начинали?

– Да обычные. – Он пожал плечами. – Зарплату сигаретами выдавали в Казахстане.

Что подобные экзотические занятия действительно дело обычное, Кира знала. Ей и самой звонил несколько лет назад бывший одноклассник и интересовался, не поможет ли она обменять партию никеля из Норильска на пять вертолетов из Улан-Удэ. Она тогда даже не спросила, почему он надумал обратиться с такой просьбой именно к ней. А чего спрашивать? Раз она со своей лингвистикой моет полы в ночном клубе, то почему он со своей классической филологией не может торговать никелем и вертолетами?

– Потом я судоходную компанию приобрел. И акции речных портов, – сказал Длугач. – Тогда все банкротами были, за копейки всё продавалось.

Это Кира знала и без него – газеты читала, телевизор смотрела, да и самостоятельная способность делать выводы из происходящих событий была ей присуща в полной мере. Папа даже считал, что она чересчур интересуется тем, что происходит, как он говорил, в нынешнем убогом социуме.

– Что нам до всей этой их мышшиной возни? – морщился он, если Кира, забывшись, начинала ему пересказывать прочитанную в газете историю о приватизации какого-нибудь завода или о чем-нибудь еще в этом духе. – Страной пришли править хамы, и ничего, кроме хамства, они в этой стране утвердить не могут. Завод при них развалится, как развалилась филологическая наука. А мелкие подробности этого развала меня не интересуют.

И Кира умолкала. А что она могла сказать? Институт мировой литературы, в котором работал папа, а раньше и бабушка, действительно влачил жалкое существование, и это было

страшно обидно, потому что Кира любила этот институт с детства, с того дня, когда бабушка впервые привела ее в старинный особняк с колоннами на Поварской улице, и Кира сразу же поняла, что здание это очень красивое, потому что оно настоящее.

И пьяного Ельцина, дирижирующего оркестром в Германии, действительно хотелось назвать только хамом и никак иначе.

Но что-то в папиных словах было не то, а что, она не знала.

– «Не то» в словах твоего папы заключается в том, что он, палец о палец не ударив, с завидной регулярностью уходит в запой, пока вы с мамой пытаетесь вырывать у жизни из горла медные копейки ему и себе на прокорм, – сказала бабушка, когда однажды у них с Кирой зашел об этом разговор. – И совершенно напрасно вы это, кстати, делаете.

– А что ты нам предлагаешь? – пожала плечами Кира. – Всей семьей на твою пенсию жить?

– Вам я ничего предложить не могу, к большому сожалению. А сыну моему что-либо предлагать, к еще большему моему сожалению, бесполезно. Твоей маме просто не следовало выходить за него замуж и тем более рожать от него ребенка.

Любая другая бабушка добавила бы к этому заявлению хотя бы «не обижайся». Но бабушка Ангелина считала пустые экивоки излишними.

– С речными портами вляпался я тогда страшно, – сказал Длугач. – В такие убытки влетел – мама не горюй.

Кира вздрогнула – его голос ворвался в ее воспоминания.

– Из-за того, что зимой все реки замерзают? – машинально спросила она.

Конечно, она не думала сейчас о проблемах речных портов. Но ведь причина их убыточности – замерзающие зимой реки – была очевидна, вот Кира ее и назвала, раз уж разговор зашел.

– Соображаешь, – заметил Длугач. – Ну да, из-за этого. Как только навигация закрывалась, с портами сразу геморрой начинался.

– С железной дорогой надо было сотрудничать, – рассудительно заметила Кира.

Все-таки работа в издательстве «Транспорт» не прошла для нее зря.

Длугач захохотал. Его смех широко раскатился над темной рекою.

– Соображаешь! – повторил он весело. – Так ведь и я не дурак. И с железной дорогой сотрудничать начал, и автомобильные перевозки обслуживать. Да что там перевозки – мы портовое здание зимой под банкеты сдавали! А что делать, людям-то зарплату и зимой надо платить.

Непонятно было, зачем он ей все это рассказывает. Но рассказ его не вызывал у нее отторжения. Или, может, дело было не в рассказе, а в том, что отторжения не вызывал он сам?

– И чего я тебе все это рассказываю? – В его голосе прозвучало недоумение. – Так что-то – не спалось, воспоминания в голову бросились. Как начинал, как теперь у меня, ну и все такое прочее. Вышел рекой подышать, а тут ты подвернулась.

Подвернулась!.. Это можно было считать обидным. Но бабушка научила Киру не обижаться по пустякам. Она и не стала.

– А медведей здесь нет? – вместо каких-нибудь слов пустой обиды спросила Кира.

– Есть, – ответил он.

– Так что же мы сидим!

Она вскочила с бревна. Длугач взял ее за руку и усадил обратно.

– У них осенью и без тебя еды хватает, – сказал он. – Чего им к жилью близко подходить?

Ты их сейчас и захочешь – не увидишь.

– А ты видел? – с опаской поинтересовалась Кира.

– Конечно.

– Близко?

– Почти как тебя.

– Ну да!

– Да. Мы на лодке по Пороною плыли, а они на дереве сидят. Медвежата, двое. Я, дурак, поближе подплыл – сфотографировать. А тут медведица из кустов.

– И что? – испуганно спросила Кира.

– Пришлось подальше отплыть, – невозмутимо объяснил он. – Ноги пришлось уносить, короче.

– Все-таки я пойду, – сказала Кира, снова вставая с бревна. – Мало ли что им и без меня еды хватает! А вдруг они гурманы?

– Ну, пошли, раз боишься.

Он встал тоже, и они пошли по дороге обратно. Идти с ним рядом было спокойно. Все-таки медведи к нему не подойдут, наверное.

Когда вышли на асфальтированную дорожку, ведущую к Кириному дому, Длугач сказал:

– Отдыхай теперь. Спасибо за компанию.

В тусклом свете фонарей она наконец рассмотрела не только абрис, но и черты его лица. Черты, впрочем, абрису соответствовали: все в этом лице было крупно, даже топорно. Правда, глаза, хоть и маленькие, глубоко посаженные, поблескивали тем блеском, который бабушка Ангелина называла блеском ума.

– А все-таки люди внутри одинаковые, – вдруг сказал Длугач, и Кира поняла, что мысль об этом засела у него в голове, когда она рассказывала ему о лингвистике и Вавилонской башне.

Ей стало смешно и радостно от того, что, оказывается, в голове у него так долго обдумывалось что-то, вызванное ею, и что именно ей он эту свою долгую мысль теперь высказывает.

– С чего ты взял, что одинаковые? – спросила она, улыбнувшись.

Теперь, под фонарем, ее улыбка была, конечно, уже заметна ему, но она знала, что ее улыбка его не обидит.

– Вот пустые сковородки все в духовке держат. А почему? – спросил он. – Не знаешь? Да потому что внутренне все люди одинаковые.

Вот это да! В парадоксальности мышления ему не откажешь. Кира засмеялась.

– Не так, что ли? – пожал плечами он.

– Так, – кивнула она. – Сама бы я ни за что до этого не додумалась. Мне весело стало, что ты додумался, и я засмеялась.

Он окинул ее таким внимательным взглядом, как будто что-то оценивал в ней, и, ничего больше не сказав, пошел по дорожке в противоположную от ее дома сторону. Кира вздохнула. Ей было жаль, что он ушел. Она с удовольствием поговорила бы с ним еще о чем-нибудь – о медведях, о сковородках или о чем-то совсем новом, другом.

Но время, отведенное им на разговор с нею, было окончено. Что ж, с ней все и всегда так обходились, ничего особенного.

Кира посмотрела ему вслед, но он уже скрылся за углом соседнего дома, и даже тени его она не увидела.

Глава 8

– Кому суеверия, а кому народная мудрость. Во всяком случае, всё сбывается. Я однажды на охоту шел – сова так ухала, даже не по себе стало. Я тогда и понятия не имел, что это значит.

– А что это значит?

– Удачи не будет, вот что. Если по дороге на охоту сова ухает или филин, можно домой возвращаться, все равно никого не подстрелишь. Мудрость, я ж говорю, народная. А если охотничью собаку сглазили, то надо самому выкупаться и собаку выкупать.

– В чем?

– Что – в чем?

– Выкупаться в чем?

– В речке. Или в озере. Что найдешь. Это вообще сто процентов помогает.

Кира слушала все эти разговоры вполуха. Во-первых, она не интересовалась сглазом охотничьих собак, а во-вторых, считала, что пьяные разговоры интересными быть не могут.

В любом разговоре она больше всего любила тот момент, всегда неожиданный, когда появляется у говорящих совершенно новый взгляд и на предмет разговора, и на мир в целом. Но она давно уже заметила, что такой момент может наступить только во время совершенно трезвого разговора. Если же люди беседовали, выпив даже совсем немного, то иногда они становились человечнее, всегда раскованнее, но вот эта искра Божья – искра нового взгляда, открытия, даже откровения, – проскочить между ними не могла. Почему так, Кира не знала, но наблюдение это было ею проверено не раз и всегда подтверждалось.

И этот разговор на берегу бухты Тихой не был исключением. Батарея опустошенных бутылок свидетельствовала о том, что он пьяный, а темы – блуждающие, довольно бестолковые – о его необязательности, случайности для всех, кто в нем участвовал. Вдобавок и наелись все так, что сколько-нибудь серьезная работа мысли исключалась напрочь. После трех огромных крабов и полсковородки морских гребешков, которых Кира поглотила лично, думать она и сама была не в состоянии, и от других этого не ожидала.

Поэтому она сидела на бревне у костра, смотрела то на морскую рябь, то на песок, усыпанный неровными клочьями морской капусты, то на берег, поросший шиповником, и если приходили ей в голову какие-то мысли, то не свои, а чеховские. Что сахалинский этот берег прекрасно обходится без человека, и есть в этом что-то зловещее, хотя в самом пейзаже ничего зловещего нет, и выглядит он буднично, совсем обыкновенно с этими вот зелеными обрывками капустных листьев и всяким бестолковым морским сором на плотном песке у воды.

В Тихую бухту журналистов вывезли на прощальный пикник. Кира уже не чувствовала себя сомнамбулой: привыкла к сахалинскому времени. Потому и наслаждалась дарами дальневосточного моря до икоты и до склонности к элегическим несамостоятельным мыслям.

Впрочем, одна мысль была самостоятельна, отчетлива и очень ей неприятна.

Кира думала о Викторе Длугаче.

А неприятно ей это было потому, что после того случайного ночного разговора в голове у нее сложилась картинка, ничего общего не имеющая с действительностью.

На этой картинке Виктор Длугач выглядел если не принцем на белом коне – до такой беспросветной дурости Кира не доходила, – то все-таки весьма загадочной, а значит, романтической личностью. Ее будоражила его сдержанность, которая казалась ей там, внутри придуманной картинке, верным признаком значительности. Она пыталась себе говорить, что немногословие может являться лишь признаком отсутствия мыслей, но сразу же вспоминалось, какими парадоксальными и живыми были те мысли, которые он высказывал вслух, и убеждать себя в его заурядности становилось после этого бессмысленно.

На придуманной картинке придуманный Виктор Длугач относился к ней, Кире, с каким-то особенным вниманием и даже старался разглядеть в ней некие особо выразительные внутренние качества, которые вследствие ее маловыразительной внешности никакой другой мужчина разглядеть не мог.

В общем, с жизнью эта прелестная картинка не имела ничего общего, и сознавать, что она так глупо засела у нее в голове, было Кире крайне неприятно.

Ум у нее был здравый, способность к анализу фактов – повышенная, и благодаря этим своим качествам она сознавала, что нагромодила туры на колесах вокруг совершенно постороннего мужчины, который всего-навсего поговорил с ней бессонницы ради. Она не чувствовала себя похожей на романтическую девушку Татьяну Ларину, и влюбляться в первого же Онегина, который посетил ее в глуши забытого селенья, не было у Кире никаких причин.

Поэтому она сердилась и на дурацкую картинку, которая никак не хотела удаляться от ее мысленного взора, и еще больше – на то, что ей хочется снова увидеть Виктора Длугача.

«Ну на что он мне сдался? – с досадой думала Кира, стараясь не доводить свою мысль до логического завершения: что скорее это она ни на что не сдалась Длугачу. – При луне под ручку гулять, вдохновенные разговоры вести? Или на бревнышке целоваться?»

Представить его ведущим вдохновенные разговоры было так же трудно, как целующимся с Кирой. Да, собственно, она с трудом могла себе представить за этим занятием не только Виктора Длугача, но кого бы то ни было вообще.

Мужчины были безнадёжной частью Кириной жизни. Ее отношение к себе не стоило считать комплексом неполноценности, она всего лишь правильно оценивала свою внешность и свой характер. Причем все ей стало на этот счет понятно так давно, что теперь уже не вызывало даже легкой печали.

Уродиной себя Кира не считала, но отдавала себе ясный отчет в том, что ее внешность не может вызывать интереса у мужчин.

И могла ли она не понять этого еще в детстве? Достаточно было даже самого краткого сравнения с подругами. Никогда в ней не было ни бесспорной красоты, как у Саше Иваровской, ни резкой, интригующей оригинальности, как у Любы Маланиной. А то, что Кира поучает всех и вся по любому поводу и ничего не может с собой в этом смысле поделать, из всех мужчин не вызывало раздражения, кажется, только у Федора Ильича, да и то потому, что он с детства к этому привык.

Но к ее поученьям-то еще прислушаться надо, а для этого необходимо хотя бы беглый взгляд на нее бросить. Беглый же взгляд сразу показывал, что внешностью Кира напоминает взъерошенную курицу: волосы какие-то пестрые и торчат, будто перья, а фигура вследствие глубокого отвращения к физкультуре и спорту весьма далека от совершенства – попросту говоря, напоминает колобок.

Когда девушка с такой внешностью еще и высказывает об окружающих какие-то жесткие мнения, к тому же им в лицо, то она не должна ожидать, что кто-нибудь из этих окружающих проявит к ней мужской интерес.

Кира и не ожидала. То есть ожидала, конечно, но лет до четырнадцати; тогда у нее еще имелись если не иллюзии, то что-то вроде надежд. Во всяком случае, тогда Кира полагала, что, попади она в новую, не из одноклассников состоящую компанию, и какой-нибудь мальчишка обязательно обратит на нее внимание. Но первой же поездки в летний лагерь – папа не одобрял для дочки коллективного отдыха, поэтому такая поездка только в четырнадцать лет и случилась по Кириному личному настоянию, – оказалось достаточно, чтобы развеять эти надежды. Кажется, даже начальница лагеря имела больше шансов на мальчишечий интерес, потому что она была пикантной толстушкой, а Кира – просто толстушкой.

Конечно, она переживала по этому поводу, пока бабушка не объяснила ей, почему переживать не стоит. Это объяснение показалось Кире убедительным.

– Твоя внешность – надежная страховка от глупой девичьей спешки, – заявила бабушка. – У хорошеньких девушек первые ухажеры появляются в том возрасте, когда ничего еще не ясно ни в себе, ни в жизни, ни в будущем. И неопытное сомнение девицу гложет: а вдруг именно этот и есть самый-самый, вдруг никто получше не обратит потом внимания, вдруг этот вообще окажется первым и последним, кто внимание обратил? И скорее к нему – и скорое разочарование. А у тебя такой поспешности не случится, потому что на тебя в глупом юном возрасте никто и не взглянет. А к тому времени, когда взглянет, ты уже и ума набраться успеешь.

Что ж, бабушка была в своем прямолинейном репертуаре. И насчет внучкиной юности не ошиблась: тогда на нее действительно никто из мальчишек не обращал внимания. А вот в дальнейшем... Вроде Кира к тридцати годам уже и ума набралась достаточно, а внимания ей мужчины уделяли столько же, сколько и раньше, то есть нисколько.

И вполне ведь она к этому привыкла. Так что же вдруг погрузилась в пустые мечтания о человеке, который для внимания к ней уж точно менее всего приспособлен?

Он вообще ни в чем не был для нее приспособлен. Кира была неопытна, но проницательна, а потому одного взгляда на Длугача, даже в полутьме, было ей достаточно, чтобы это понять.

Он отличался от нее коренным образом.

Она очень хорошо помнила, когда впервые заметила, что между людьми есть вот именно это, коренное различие, о котором не принято говорить, но которое между тем осознается всеми, кто наделен способностью что-либо осознавать.

В тот год Кира проводила лето на даче с бабушкой, а мама и папа приезжали на выходные, но не каждую неделю, а только если у папы было для этого настроение.

Взять с собой в Кофельцы внучку бабушка согласилась в этом году впервые, потому что Кире исполнилось пять лет, она научилась бегло читать, и это стало для нее главным делом, не оставляющим места для шалостей. Впрочем, она и раньше не была шаловлива, но раньше, до чтения, ей требовалось уделять, по бабушкиному мнению, слишком много внимания.

– У вас с Леней все равно нет ни одного осмысленного занятия, – спокойно заявляла она все прошлые годы Кириной маме. – Вот и выращивайте по крайней мере младенца, все-таки хоть что-то полезное. А я не вижу ни одной причины, по которой вам было бы необходимо спихнуть ребенка на меня.

В своих решениях бабушка была тверда, и сколько мама ни сетовала на ее невыносимый эгоизм, – Кира проводила лето за летом в городе, а если приезжала с родителями на дачу, то ненадолго, потому что папа согласен был терпеть природу не дольше недели кряду, после чего сбегал обратно в Москву, а мама не хотела оставлять его одного, поэтому сразу же отправлялась вслед за ним, и Кире приходилось отправляться тоже.

Но к пяти ее годам это казавшееся неизбежным положение переменялось. Едва ли потому, что бабушка дала слабину – скорее потому, что сочла Киру достаточно взрослой для самостоятельной жизни.

В первую неделю бабушка к внучке только приглядывалась: ест ли все, что дают, моет ли ноги перед сном, не убегает ли неизвестно куда, не галдит ли целый день?

Наверное, Кира оправдала ее ожидания – знаком этого стало поручение ходить по утрам в деревню за молоком. Раньше за ним ходила тетя Нора Маланина, Любина мама, она же и убиралась в доме у Тенета – зимой в Москве, а летом на даче. Но с водворением в Кофельцах Киры бабушка заявила, что за молоком девочка в состоянии ходить сама, и взрослых этим нагружать больше не требуется. Кира с детства была спорщица, но с детства же привыкла не спорить по пустякам – и отправилась в деревню к утренней дойке.

Молоко брали у тети Вали Ветчинкиной; она жила в крайнем доме на деревенской улице, ближе всех к дачному поселку. Подойдя к покосившемуся забору, Кира остановилась в нере-

шительности: с заднего двора доносились такие пронзительные крики, словно там кого-то убивали.

«Может, не ходить?» – опасливо подумала она.

Но рассудила, что стыдно будет не выполнить первое же бабушкино поручение, и все-таки отворила калитку и вошла во двор.

Она обошла дом, такой же косой, как забор, и чуть не столкнулась нос к носу с тетей Валей. Та никого не убивала, а просто кормила кур. Ее сын, десятилетний Колька, колол дрова; на него-то как раз и кричала тетя Валя.

– Крапивы свиньям насечь... твою мать... силосу для коровы выписали... курей... – услышала Кира.

Что означает этот набор слов – может, тетя Валя ругает Кольку? – было непонятно. А если тебе что-то непонятно, значит, надо спросить, это Кира давным-давно знала.

– Здравствуйте, тетя Валя. А почему вы кричите? – громко произнесла она.

Тетя Валя замолчала и удивленно посмотрела на Киру.

– Кого? – спросила она.

Колька смотрел на Киру и улыбался. И взгляд его, и улыбка были какие-то странные. Потом он засмеялся, замахал руками и пошел со двора, что-то бормоча.

– Я за молоком пришла, – не дождавшись ответа, сообщила Кира. – Я Ангелины Константиновны Тенеты внучка и теперь всегда буду сама за молоком приходить.

– Ага, ну да, – закивала тетя Валя. И истошно заорала: – Колька!.. Твою мать!.. Принеси молоко, там в сенях банка! Только что подоила, тепленькое, – добавила она уже без всякой истошности в голосе. – Пейте на здоровычко.

– Спасибо, – сказала Кира.

Ее удивило, что тетя Валя не только не ответила, почему кричит, но, кажется, даже не поняла, о чем ее спрашивают.

Но долго об этом размышлять Кира не стала. Банка оказалась тяжелая, к тому же идти надо было осторожно, чтобы не пролить молоко, и это занимало ее внимание всю дорогу до дому.

Однако разобраться, в чем тут дело, было все же необходимо. Поэтому сразу по возвращении домой Кира спросила:

– Бабушка, а почему тетя Валя Ветчинкина все время кричит?

– Она не кричит, – усмехнулась бабушка. – Она так разговаривает. Ей кажется, что она разговаривает совершенно нормально. Не умеет она по-другому.

Бабушка взяла у Киры банку, плеснула молока в эмалированную миску, выпустила туда же четыре яйца и начала взбивать омлет. Омлет этот был особенный – готовился по рецепту французского повара Эскофье, который придумал его для Сары Бернар. Секрет состоял в том, что на вилку насаживался разрезанный зубчик чеснока, вследствие чего у омлета получался лишь легкий чесночный запах, но не чесночный вкус.

– Как же тетя Валя разговаривать по-другому не умеет? – рассудительно возразила Кира. – У нее все слова такие же самые, как у тебя и у меня. Но ты же не кричишь, и я не кричу. Почему тогда она кричит?

– Потому что она не такая, как ты и я, – ответила бабушка.

– У нее другой характер?

– Дело не в характере. Она вообще другая. Во всем. Вот я смотрю на цветок и ясно вижу, что лепестки у него белые. А она смотрит – и так же ясно видит: черные. И объяснить ей, что она ошибается, невозможно.

– А лепестки точно белые? – уточнила Кира.

– Точно.

– Значит, можно ей объяснить, – уверенно сказала Кира.

– Нельзя, – так же уверенно возразила бабушка. – Ну как ты ей объяснишь, если у нее зрение по-другому настроено? Что для тебя белое, то для нее черное. Что для тебя крик, то для нее обычный разговор. И глаза ты ей свои неставишь, и не переделаешь ее ни в чем. От таких, как она, надо просто держаться подальше.

Тогда Кира все-таки не согласилась с бабушкой, да вообще-то и не поняла, о чем та говорит. Но вся дальнейшая жизнь в Кофельцах – и в тот год, и во все следующие – убедила ее в бабушкиной правоте незаметно, однако твердо.

Ей было, например, жалко Кольку Ветчинкина, потому что он родился больным: выговаривал только самые простые слова, улыбался бессмысленной улыбкой и не умел даже читать. Но однажды она с удивлением поняла, что в деревне Кольку никто не жалеет, и никто не понимает даже, за что его можно жалеть, и сама тетя Валя не понимает тоже.

Бабушка по этому поводу заметила:

– Так ведь он ничем от них от всех не отличается. Что толку, что они умеют буквы складывать? Все равно их только ценники в магазине интересуют. А к тридцати годам мозги полностью пропьют – вообще никакой разницы с Колькой не будет.

Бабушкины слова вызывали у Киры смущение. Такое разделение людей казалось ей презрительным и неприличным. Но вместе с тем она не могла не видеть, что разделение есть, что оно не глубокое даже, а коренное, сущностное, и как к нему ни относиться, а существует оно объективно.

Но в чем оно состоит, Кира не понимала, даже когда ей было уже не пять лет, а пятнадцать. Проще всего было, конечно, сказать, что черта проходит между деревней и городом. Это было очевидно, но именно потому вызывало у Киры недоверие: она не признавала простых ответов на сложные вопросы.

Получить ответ одновременно и сложный, и точный можно было только у одного человека – у бабушки.

– Разделение очень простое, – сказала та, когда Кира наконец подступилась к ней с вопросом. – Проходит по линии духа. Для одних людей ценности духа – действительно ценности, для других – непонятный сор, который либо не интересует, либо раздражает и вызывает желание его уничтожить. Красивый предмет – сломать, умного человека – унижить. Они даже внешне легко узнаются, эти люди: топорно сделаны. Я, кстати, подозреваю, что их предки произошли не от Адама.

– А от кого? – с интересом спросила Кира.

– Может быть, в самом деле от обезьяны. Во всяком случае, к тому моменту, когда Бог пять тысяч лет назад создал Адама по своему образу и подобию, какие-то человекообразные существа на Земле уже существовали. Швырялись камнями в зверей и выкапывали коренья палкой-копалкой. После неандертальца и кроманьонца – обрыв, никакого связующего звена. А потом вдруг начинается человек культуры. Обработка бронзы, архитектура, живопись... Любовь, я думаю, тоже только с Адамом и Евой появилась, прежним существам простого сожительства хватало. Как и их потомкам.

Бабушка кивнула в сторону деревни, где как раз гудела свадьба. Музыка громыхла так, что даже здесь, на веранде дачного поселка, с трудом можно было расслышать друг друга, а в самой деревне, судя по крикам, уже начиналась драка.

– Ба... – задумчиво проговорила Кира. – Но ведь это же надменно. Вот так про людей думать.

– Ну и что? – Бабушка пожала плечами. – Я имею право на свою надменность. Я приложила немало усилий для того, чтобы как можно больше походить на человека, и совершенно не обязана быть на равных с тем, кто либо никаких усилий к этому не приложил, либо приложил их в обратном направлении. И вообще, дело не в надменности как таковой, а в том, какие выводы человек из своей надменности делает. Какой образ жизни для себя выбирает. Вот твой

папа, например, тоже надменный, но его жизненный выбор не вызывает у меня одобрения. И все-таки у нас с тобой нет причин ставить себя на одну доску с примитивными существами.

У нас с тобой!.. То, что бабушка говорит о ней и о себе вместе, наполнило Киру гордостью. Она всегда хотела быть похожей не на папу и не на маму, а именно на бабушку с ее умом, ироничностью и резкостью суждений. В резкости она, наверное, и стала на нее похожа, но вот бабушкиной самодостаточности у Киры не было ни в детстве, ни в юности, и в тридцать лет не появилось тоже.

Как это сочетается с ее очевидной для всех независимостью, даже самоуверенностью, Кира и сама не понимала. Но одиночество было для нее так мучительно, что даже уединение порой бывало ей не в радость, хотя в уединении-то она нуждалась всегда.

– В общем, время мы тут провели шикарно! – услышала Кира Элинин голос.

Она встрепенулась. Да, никакого нет сейчас уединения. Она на Сахалине, в бухте Тихой, и вокруг полно людей.

– Особенно морская рыбалка удалась, – сказала Элина. – Придется теперь воспевать господина Длугача устно и письменно. Между прочим, где он?

Элина стояла на большом валуне. В одной руке у нее был пластиковый стаканчик с вином, в другой – крабья клешня. Два огромных красных краба лежали у нее на плечах наподобие погон. Фотограф Денис стоял перед нею и фотографировал ее в этом экзотическом виде.

– Длугач в Москву улетел, – ответил он.

– Ради прощального пикника мог бы и задержаться, – скривилась Элина.

– Новая труба куда-нибудь позвала, – усмехнулся Денис. – Мы-то в его бизнес-плане уже отработанный пункт.

Элина бросила в костер обломки крабьей клешни, допила вино и, спрыгнув с валуна, попытожила:

– Лично я бы ему дала. Шарм у него хоть и топорный, но все же имеется.

– Кроме шарма, у него еще и жена имеется, – заметил Денис. – И любовница.

– Одна? – деловито поинтересовалась Элина.

– Я про одну слышал. Но не утверждаю, что это все. Почему двух или трех не завести, если средства позволяют?

– Вот и я о том же, – согласилась Элина. – Почему бы ему не взять в любовницы меня? Я бы его сильно облагородила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.